

Джек РЭЙДИ¹
Чарльз ШАРП²
Елена Георгиевна БРУНОВА³

УДК 935

ДАЛЬШЕ НИ ШАГУ: СРАЖЕНИЕ ЗА НАРО-ФОМИНСК 20-31 ОКТЯБРЯ И 1-3 ДЕКАБРЯ 1941 ГОДА

¹ военный историк (Юджин, Орегон, США)
radey.zhukov.jack@gmail.com

² военный историк (Юниверсити Плейс, Вашингтон, США)
ccsfort@earthlink.net

³ доктор филологических наук, профессор
кафедры английского языка, военный историк,
Тюменский государственный университет
egbrunova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8493-5932

Аннотация

Данное исследование является частью более крупного проекта. Двое из авторов (Джек Рэйди и Чарльз Шарп) пишут книгу о боях к западу от Москвы с 9 по 31 октября 1941 г. Нашей целью является выяснить, почему немецкое наступление на Москву остановилось в конце октября.

Англоязычных исследований, которые бы дали убедительный ответ на этот вопрос, нет. Наш подход заключается в оперативно-тактическом анализе, основанном на широком использовании первоисточников из советских и немецких архивов, а также мемуаров и источников второго порядка — книг и статей по истории на различных языках. Мы обнаружили, что многие документы противоречат друг другу или упускают важную информацию, иногда умышленно, иногда ввиду отсутствия точных данных.

Методология нашего исследования основана на критическом сопоставлении источников, чтобы выяснить, что произошло на самом деле. Это серьезное испытание, но мы

Цитирование: Рэйди Д. Дальше ни шагу: сражение за Наро-Фоминск 20-31 октября и 1-3 декабря 1941 года / Д. Рэйди, Ч. Шарп, Е. Г. Брунова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2020. Том 6. № 4 (24). С. 113-164.

DOI: 10.21684/2411-197X-2020-6-4-113-164

уверены, что наш анализ проясняет данные из архивных документов. Мы считаем, что исход данных боев определили несколько факторов, самыми существенными из которых были следующие: некомпетентное планирование и плохая логистика, а также отсутствие четких и достижимых целей немцев, с одной стороны, и эффективная оборона советских войск — с другой.

Это исследование было проведено, чтобы прояснить наше понимание сражения за Наро-Фоминск и показать, как все эти факторы отражаются в нем как микрокосме.

Ключевые слова

Отечественная история, Великая Отечественная война, битва за Москву, сражение за Наро-Фоминск, 33-я Армия, 110-я стрелковая дивизия, 113-я стрелковая дивизия, 222-я стрелковая дивизия, 258-я пехотная дивизия.

DOI: 10.21684/2411-197X-2020-6-4-113-164

Введение

Цель данного исследования — рассмотреть на примере сражения за Наро-Фоминск причины, по которым наступление немецких войск на Москву остановилось в конце октября 1941 г. Исследование является частью более крупного проекта: двое из авторов (Джек Рэйд и Чарльз Шарп) работают над книгой о боях к западу от Москвы с 9 по 31 октября 1941 г.

Источниковую базу для исследования составили советские и немецкие архивные документы, многие из которых вводятся в научный оборот впервые. Кроме того, изучались воспоминания и мемуары участников боевых действий с обеих сторон, а также другие источники информации — книги и статьи по истории битвы за Москву на разных языках.

В процессе работы над данной темой мы обнаружили, что многие документы противоречат друг другу или упускают важную информацию, иногда умышленно, иногда ввиду отсутствия точных данных. Методология нашего исследования заключается в оперативно-тактическом анализе, основанном на критическом сопоставлении данных, полученных из различных источников. Проведенный анализ позволяет выявить причины противоречий в архивных документах и мемуарах, а также приблизиться к пониманию боевых действий к западу от Москвы в октябре 1941 г., что определяет актуальность и новизну данного исследования.

Дверь взломана

22 июня 1941 г. гитлеровская Германия напала на Союз Советских Социалистических Республик. Германская стратегия основывалась на идее, высказанной Гитлером: «(Нам) нужно только взломать дверь — и всё гнилое строение рухнет» [48, с. 64]¹. Составители плана нападения предполагали, что основная

¹ Это слова Адольфа Гитлера накануне операции «Барбаросса», обращенные к генерал-фельдмаршалу Герду фон Рундштедту, командующему группой армий «Юг» в июне 1941 г.

часть Красной Армии дислоцируется на границе. Они ожидали, что вся кампания продлится не более шести недель, после чего немецкие части выдвинутся к востоку от Москвы, к линии от Архангельска на севере до Астрахани на юге, а если за Уралом и останутся очаги сопротивления русских, то бомбардировщики и отдельные танковые колонны разделяются с ними. За три недели своего наступления немцы прошли почти две трети пути до Москвы, ворвались в прибалтийские республики и прошли по Украине, где наткнулись на неожиданно ожесточенное сопротивление, оказавшись примерно в 100 км от Киева¹.

Однако хотя дверь и упала с грохотом, всё «гнилое строение» упрямо не хотело рушиться. Вместо коллапса Советский Союз начал крупномасштабную мобилизацию и эвакуацию военной промышленности на восток. Серия нарастающих контратак, контрударов и полноценных контрнаступлений обрушилась на наступающих немцев. Через три недели после своего начала темп наступления на Москву по центральной оси снизился из-за сопротивления Красной Армии и проблем с логистикой. Красная Армия несла ужасные потери, измеряемые дивизиями и армиями, но другие войска появлялись на замену².

В августе и сентябре немцы перенаправили авиацию и танковые силы на северный и южный фланги, продвинувшись вплотную к Ленинграду и окружив Юго-Западный фронт в районе Киева и захватив в плен более 600 тысяч человек. В это время советские соединения провели наступательную операцию против Группы армий «Центр» в районе Духовщины и Ельни, нанеся серьезные потери (9-я Армия и Группа армий «Центр» в определенный момент предсказывали крах фронта), и не дали Группе армий фон Бока сконцентрировать достаточные запасы горючего, боеприпасов и продовольствия [50³].

В результате немцы оказались в затруднительном положении. Несмотря на серию блестящих оперативных триумфов, они всё еще ждали, когда «всё гнилое строение рухнет». И вот наступил сентябрь, когда, согласно первоначальному плану, вся кампания должна была уже закончиться, а вариантов действия было всего три: сделать один большой рывок на Москву и надеяться, что Красная Армия будет разгромлена в попытках спасти свою столицу, а захват столицы приведет к падению правительства; уйти на зимние квартиры и возобновить наступление весной; или заключить мир. Мир не устраивал ни Гитлера, ни Сталина, этот вариант можно было сразу исключать [46, с. 221-222, 287]⁴. Очевидный недостаток ухода на зимние квартиры заключался в том, что это было бы негласным признанием поражения — задача кампании

¹ Касательно общего хода летней кампании 1941 г. см. [67] или [51, гл. 4].

² См. хороший обзор экономических, промышленных и военных аспектов советской обороны в [51, с. 75-85]. Более подробно см. советские директивы [1, 3].

³ Главы 5-7 описывают бои за Духовщину и Ельню, их исход и значение. До публикации этого труда Дэвида Гланца бои за Духовщину были практически неизвестны западным историкам.

⁴ Возможно, и было некое «дипломатическое зондирование» со стороны Сталина, однако все сообщения такого рода расцениваются как «дезинформация».

по разгрому СССР за шесть недель или, по крайней мере, за один сезон провалилась бы вместе с немецкой репутацией непобедимости. Это дало бы Советскому Союзу гораздо больше времени, чтобы собраться с силами, эвакуировать промышленность и запустить ее на новых местах. Немецкая стратегия со времен Фридриха Великого основывалась на идее «молниеносной войны» и быстрой, решительной победы. Альтернативы не было, потому что Германия даже с учетом захвата большей части Европы не имела достаточных человеческих и промышленных ресурсов для войны против двух держав с их ресурсами — СССР и Британской империи [47, с. 136-224]. Кроме того, было очень мало немецких профессиональных военных, которые сомневались в том, что до победы остался всего один рывок. Возможность зимней кампании в России была слишком скверной, чтобы думать о ней, поэтому ее, по сути, игнорировали. Конечно, победа наступит быстро... Теперь уже точно. Она неизбежна, поэтому она *должна* наступить.

Итак, жребий брошен; еще один рывок, изо всех сил, до вожаемой цели немецких генералов при планировании операции «Барбаросса» — Москвы. На самом деле, вопрос всё еще остается открытым. Немецкое командование выдвинуло план финальной наступательной операции под кодовым названием «Тайфун». В качестве официальной цели операции был заявлен разгром «Группы армий Тимошенко», т. е. группы советских сил, стоящих перед Москвой, а именно — Западного, Резервного и Брянского фронтов. К тому времени маршал С. К. Тимошенко, в недавнем прошлом народный комиссар обороны СССР и командующий войсками Западного фронта, был направлен командовать остатками Юго-Западного фронта после падения Киева, однако немцы об этом не знали. Более важным было то, что в операции «Тайфун» предусматривался не захват советской столицы, а окружение Западного и Резервного фронтов, стоящих перед Москвой, а также прорыв и окружение Брянского фронта. Главный армейский интендант, генерал-майор Вагнер, зловеще заметил, что запасов горючего хватит только до Вязьмы, но не дальше. После прорыва фронта и окружения под Вязьмой германской армии у ворот Москвы придется функционировать и маневрировать, опираясь на поставки «с колес» [68, с. 36].

Стратегическую наступательную операцию осуществляла Группа армий «Центр» генерала-фельдмаршала Федора фон Бока. Как отмечает Дэвид Стахел (David Stahel), это была крупнейшая военная единица немецких вооруженных сил под одним командованием: около 1 900 000 человек [68, с. 45]¹ в составе трех полевых армий, каждая из которых состояла из нескольких пехотных корпусов

¹ Д. Стахел взял данные из [65] у Клауса Рейнхардта (западногерманского генерала в отставке, однофамильца командующего 3-й танковой группой). Н. Цеттерлинг и А. Франксон [69], преуменьшая германскую мощь, оценивают численность Группы армий «Центр» в октябре 1941 г. как 1 183 693 человека. Это классический пример того, как можно преуменьшить численность, исключив из подсчетов люфтваффе (т. е. учесть только силы полевых армий и танковой группы).

и трех танковых групп, которые, в свою очередь, состояли из двух или трех моторизованных корпусов (позднее названных танковыми корпусами). Танковые группы то подчинялись соответствующим армиям, то входили в прямое подчинение Группы армий. С севера выдвинулась 9-я Армия под командованием генерал-полковника Адольфа Штрауса с 3-й танковой группой генерал-полковника Германа Гота, которого в ходе операции заменил генерал-полковник Георг Ганс Рейнгардт; в центре — 4-я Армия под командованием фельдмаршала Гюнтера фон Клюге с 4-й танковой группой генерал-полковника Эриха Гёпнера; на юге — 2-я Армия генерал-полковника Максимилиана фон Вейхса и 2-я танковая группа, переименованная во 2-ю танковую армию 5 октября, отчасти потому что в ее составе было больше пехоты, чем в обычных танковых группах, но главным образом для удовлетворения амбиций ее командующего, генерал-полковника Гейнца Гудериана.

На первом этапе операции 3-я танковая группа прорвала советские рубежи обороны к северу от автострады Минск — Москва (далее — Минское шоссе), один ее моторизованный корпус (XXXXI) направился на северо-восток, на Ржев, а второй (LVI) проник на восток и затем на юг, к Вязьме. Там они соединились с еще более крупными силами 4-й танковой группы, которая нанесла удар по автодороге Рославль — Москва и затем повернула на север к Вязьме, окружив большую часть войск Резервного фронта маршала С. М. Будённого и Западного фронта генерал-полковника (впоследствии — маршала) И. С. Конева. В свою очередь 9-я Армия выдвинула часть своих сил на северо-восток для прикрытия северного фланга Группы армий, а остальная ее часть прошла прямо на восток к котлу, образованному танковыми силами; 4-я Армия прошла на восток к котлу, а также к дороге от Рославля до советской столицы. В то же самое время 2-я Армия Вейхса прорвала Брянский фронт ниже рубежей фон Клюге, и Гудериан пробил оборону на юге и продвинулся к Орлу, перерезав Брянский фронт генерал-лейтенанта А. И. Ерёмченко.

План сработал четко. Гудериан и Вейхс напали 30 сентября, а основные силы фон Бока подключились 2 октября 1941 г. Советские фронты, накануне перешедшие к обороне, были разгромлены на участках прорыва, выбранных немцами. Связь с войсками не работала после бомбардировки советских штабов силами люфтваффе. И только 5 октября Ставка Верховного Главнокомандования (далее — Ставка) полностью осознала опасность и отдала запоздалый приказ Западному и Резервному фронтам на отход к новым рубежам обороны. Но было слишком поздно, немцы стояли уже у них за спиной, а в некоторых местах даже заняли советские оборонительные сооружения второй линии обороны, обращенные к западу. В районе Вязьмы окружение замкнулось 7 октября, в то время как Брянский фронт был рассечен на три отдельных котла.

Окруженные советские войска предпринимали отчаянные попытки прорваться, нанося тяжелые потери некоторым немецким танковым дивизиям, удерживавшим восточную сторону котла. Однако без должной организации, в условиях отсутствия боеприпасов, продовольствия и горючего, вырваться из котла смогли

только около 80 000 человек [53, с. 393 и далее]¹. 14 октября немцы заявили о зачистке Вяземского котла (некоторые группы продолжали оказывать сопротивление еще неделю, а отдельные бойцы — переходить линию фронта ближе к Москве вплоть до ноября). Было также объявлено о захвате в плен в совокупности 640 000 человек в районе Вяземского и Брянских котлов [53]².

Хотя многим из соединений Брянского фронта удалось выйти из окружения и нанести потери нескольким немецким танковым дивизиям, численность личного состава большинства дивизий генерала армии (впоследствии — маршала) А. И. Ерёменко сократилась до нескольких тысяч человек, а сам командующий фронтом был ранен. Когда дым сражения рассеялся, потери составили более миллиона человек. На момент принятия генералом армии (впоследствии — маршалом) Г. К. Жуковым командования Западным и Резервным фронтами (слитыми теперь в один Западный фронт), в его распоряжении было не более 60 000 человек, чтобы остановить Группу армий «Центр», численность которой составляла около 1,9 миллиона человек [68, с. 45]³. А от Вязьмы до Москвы по Минскому шоссе всего 236 км на восток...

На самом деле, приказы и планы по операции «Тайфун» не рассматривали действия дальше Вязьмы и «разгрома Группы армий Тимошенко» [2, с. 10-13]. Однако все немецкие генералы считали, что истинной целью операции является Москва, а генерал-фельдмаршал фон Бок жаждал салюта на параде победы на Красной площади, когда он будет стоять на Мавзолее, там, где обычно стояли советские вожди во время парадов. Но 13 октября вышла директива Гитлера не штурмовать Москву с запада: вместо этого предписывалось разрушить город

¹ Со с. 393 начинается Глава 7, «Масштабы потерь» (“The Dimensions of Defeat”), которая является лучшим и наиболее тщательным анализом потерь советских войск в течение первого этапа операции «Тайфун». Л. Н. Лопуховский методично опровергает абсурдные цифры потерь, приводимые в [52], где заявляется, что за всё время Московской битвы с 30 сентября по 5 декабря 1941 г. безвозвратные потери (убитые, попавшие в плен, пропавшие без вести и раненые, не вернувшиеся в строй) советских войск составили в общей сложности 514 338 человек, что составляет менее половины от числа потерь, понесенных за первые две недели указанного периода.

² На с. 396 Л. Н. Лопуховский также приводит немецкое «официальное» число 673 000 человек, однако на с. 397-430 дается подробное обоснование того, почему немецкие цифры не точны, а советские — значительно занижены.

³ В [70] личный состав Группы армий «Центр» оценивается в 1,2 миллиона, по данным Дэвида Штала [69, с. 45] — 1 929 406 человек. Никлас Цеттерлинг и Андерс Франксон, по-видимому, занижают численность немецких войск, а советских — завышают. Согласно мемуарам Г. К. Жукова, к 10 октября осталось около 60 000 человек, чтобы противостоять немцам. С Северо-Западного фронта, с урезанного правого фланга Западного фронта, из внутренних военных округов и в результате быстрой мобилизации новых, необученных бойцов быстро подошло подкрепление. В течение нескольких дней цифра выросла до 90 000 человек. Среди них были некоторые из 85 000 человек, которым удалось выйти из окружения к концу месяца. Позднее, в ноябре и декабре, добавятся и другие бойцы из этого числа. См. также [53, с. 396-430].

бомбардировками и артиллерией, а затем затопить. Его намерением было сровнять столицу с землей и превратить ее в озеро [69, с. 114-115]. В частности, это была трезвая оценка того, насколько трудно и кровопролитно было бы вести бои в крупном промышленном городе от здания к зданию. Оккупация Киева привела к большим потерям немцев от подрыва различных объектов в результате действий армейских и диверсионных групп минирования, и Гитлер не хотел повторения подобного. Его генералы, хотя и неохотно, скрепя сердце, согласились.

Итак, приказы были отданы. Штраус и его 9-я Армия прокатились на север, атакуя Ржев и сковывая правое крыло Западного фронта, избежавшее немецкого окружения. 3-я танковая группа выдвинулась на Калинин (ныне — Тверь), крупный город по железной дороге между Москвой и Ленинградом (ныне — Санкт-Петербург). На юге 2-я Армия Вейхса должна была пересечь линию марша 2-й танковой армии Гудериана и выдвинуться на восток и юго-восток, покончив с Брянским фронтом, и затем направиться в сторону Курска, а возможно — Воронежа. Гудериан должен был выдвинуть один из своих слабых моторизованных корпусов на север, ударить по Туле и окружить Москву с юга и юго-востока.

В центре 4-я Армия фон Клюге должна была выдвинуться на восток по автодороге Рославль — Подольск — Москва. В его распоряжении были LVII моторизованный корпус и XII корпус. Слева от него в то же самое время 4-я танковая группа с XXXX моторизованным корпусом должна была наступать непосредственно по Минскому шоссе. К северо-западу от них предполагалось наступление сильнейшего танкового соединения на Восточном фронте — XXXXVI моторизованного корпуса, в который входили по состоянию на 13 октября три танковых дивизии, две из которых были свежими силами, только что прибывшими на фронт. Они нанесут основной удар, предполагающий окружение Москвы с севера и северо-востока.

К всеобщему удивлению немцев, любое их продвижение встречало ожесточенное сопротивление.

Все дороги ведут в Москву

Это верно в буквальном смысле. Из столицы и крупнейшего города СССР дороги расходятся радиально во всех направлениях. Для немцев имели значение две или три из них. Автострада Москва — Минск (Минское шоссе), подходящая к Москве с запада, была лучшей дорогой в СССР (строительство было начато в 1937 г. как советской версии «автобана»). Через Рославль с юго-запада шла автодорога с поврежденным покрытием, проходящая через Медынь, Малоярославец и Подольск. С юга была еще дорога через Тулу, и еще одна — восточнее от нее. К северу от Минского шоссе — дорога на Волоколамск, идущая далее на Ригу, к Балтийскому морю, через Волоколамск и Ржев, на северо-западе от Москвы. Относительно хорошее покрытие на ней было только от Москвы до Волоколамска и немного западнее, но немцы еще не добрались туда.

Согласно приказу Гитлера от 13 октября, немецкие войска не должны были штурмовать столицу прямым наступлением с запада. Вместо этого Гёпнер должен

был обойти Москву своими XLVII и XXXX моторизованными корпусами с севера от Гжатска (ныне — Гагарин) на северо-восток и из района Можайск — Дорохово — на север, на Волоколамск и Истру, а Гудериану предписывалось пройти от Орла через Тулу и обойти Москву с юго-востока. В это время фон Клюге должен был выдвинуться напрямую к столице, чтобы соединить две танковые группы с надеждой окружить значительные силы советской обороны.

Гёпнер начал свое наступление по дороге Рославль — Подольск, и именно это продвижение с опозданием зафиксировали летчики из авиаполка Московского военного округа, а также некоторые части на земле, которые оказались на пути немецких танков. Танки нанесли сокрушительный удар по 33-й Армии и резко повернули на север для соединения с 3-й танковой группой у Вязьмы.

Это была спасительная заминка для советских войск, предпринимавших отчаянные попытки блокировать Рославльскую дорогу. Курсанты Подольского пехотного и Подольского артиллерийского училищ, 17-я танковая бригада и остатки 33-й и 43-й Армий стояли в обороне данной дороги. После того, как дивизию СС «Райх» (SS „Reich“) передали танковой группе XXXX корпуса, LVII корпус под командованием генерала танковых войск Адольфа-Фридриха Кунцена был усилен 19-й танковой дивизией и придан 4-й Армии генерала-фельдмаршала фон Клюге. Возможно, это звучит как могучая сила, однако после того, как «Тайфун» заглох, ни одна танковая дивизия не была в полной мере боеспособной. Кроме того, это были самые слабые танковые соединения в Группе армий «Центр». 20-я танковая дивизия потеряла один из двух своих полков *schutzen* (моторизованные пехотные с дополнительными пулеметами), а ее мотоциклетные и разведывательные батальоны из-за нехватки транспортных средств были расформированы (накануне операции «Тайфун», 28 сентября, дивизия рапортовала о 64 танках, готовых к бою). Ее средние танки чешского производства были изрядно потрепаны, а у грузовиков, захваченных во Франции, практически истек срок службы, причем запасные части для иностранных танков и грузовиков отсутствовали [60]¹. 19-я танковая дивизия, также имевшая на вооружении чешские танки Pz-38(t) и грузовики иностранного производства с сомнительной мобильностью и в посредственном техническом состоянии, что особенно сказывалось при плохих дорожных условиях, была в несколько лучшей форме [54, с. 18]. Так или иначе, они шли в кильватере своих прошлых побед и участвовали в ожесточенных боях с подольскими курсантами, блокировавшими шоссе у Ильинского.

Советский Союз столкнулся с экзистенциальным кризисом: либо найдется способ замедлить и остановить немецкое наступление, либо Москва падет. Фактически немцы были настолько близко, что если бы оборона одной из двух главных дорог была прорвана, немцы получили бы решающий перевес, и их танки были бы на Красной площади уже через несколько часов. Чтобы залатать брешу в обороне, пришлось собрать все возможные силы. Это были вновь созданные

¹ Запись от 19 октября 1941 г. В отличие от большинства немецких журналов боевых действий, в записях 20-й танковой дивизии за этот день не указано время.

танковые бригады, противотанковые подразделения, сформированные из московских сил противовоздушной обороны, пулеметные батальоны, прошедшие недельное обучение и вооруженные чем придется, специальные формирования, созданные из курсантов, народное ополчение, истребительные батальоны и т. п. Полностью укомплектованные личным составом дивизии быстро перебрасывались с правого крыла Западного фронта и из внутренних военных округов, даже таких далеких, как Сибирь и Дальний Восток. Некоторые из этих соединений имели боевой опыт, хорошее командование, были полностью оснащены и обучены. Другие были сформированы летом 1941 г. и прошли обучение в течение нескольких месяцев. Третью категорию бросали в бой после недельного обучения.

Их перебрасывали на запад, на укрепление Можайской линии обороны. Ее сооружение началось в июле, затем было приостановлено, поскольку приоритет был отдан созданию других оборонительных рубежей. Можайская линия обороны состояла из четырех укрепрайонов, от Волоколамска на севере, Можайска на Минском шоссе, Малоярославца на автодороге Рославль — Подольск и — с запозданием — далее на юг, включая Калугу. Оборонительные сооружения представляли собой доты, дзоты, а также противотанковые рвы. Не хватало мин, практически не было колючей проволоки. Оборонительные сооружения были в наилучшем состоянии в районе Минского шоссе, в наихудшем — в районе Калуги, которую добавили задним числом. Что еще хуже, каждый из укрепрайонов был рассчитан на оборону из пяти-шести дивизий, однако фактически в середине октября 1941 г. на каждом из них стояла всего одна [66, с. 133].

Оборона

У генерала армии Г. К. Жукова было мало сил, чтобы замедлить и остановить наступление войск фон Бока. После выхода из окружения штаб 16-й Армии генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского был переброшен на оборону Волоколамска в составе единственной стрелковой дивизии (состоящей из резервистов), двух весьма поредевших, но закаленных в боях кавалерийских дивизий и полка курсантов [24, л. 74 (73)-75 (74)¹]. Им противостояли три танковых и две пехотных дивизии. Минское шоссе оседлала 5-я Армия сначала под командованием генерал-майора Д. Д. Лелюшенко, а после его ранения — генерал-майора артиллерии Л. А. Говорова. В ее составе была полнокровная и опытная 32-я стрелковая дивизия, несколько танковых бригад, несколько батальонов обученных резервистов и батальон курсантов Высшего политического училища [34, л. 1]. Против них Гёпнер бросил моторизованную пехотную дивизию СС «Райх» и 10-ю танковую дивизию XXXX корпуса. Выше по автодороге Рославль — Подольск подошел LVII моторизованный корпус с 19-й танковой, 3-й моторизованной и 258-й пехотной дивизиями. Справа от них выдвигался XII корпус с 98-й и 34-й пехотными дивизиями. Сначала у Г. К. Жукова была только 43-я Армия генерал-лейтенанта С. Д. Акимова на обороне автодороги Рославль — Подольск и 49-я Армия генерал-лейтенанта И. Г. Захаркина, пытающаяся удержать

¹ В источниках здесь и далее указывается также в скобках рукописный номер листа.

Калугу на юге. 33-я Армия отошла, а ее командующего отстранили. Но через несколько дней, 18 октября, штаб армии заработал, а командующим был назначен генерал-лейтенант Михаил Григорьевич Ефремов [2, с. 108-109]¹. На него была возложена ответственность за полосу между двумя дорогами, сходящимися по мере приближения к Москве.

Там находятся два города: Верея и Боровск. Верея расположена в 18 км к юго-востоку от Можайска. Немецкая 7-я пехотная дивизия в начале операции «Тайфун» в составе 4-й Армии VII корпуса наступала по автодороге Рославль — Подольск, направляясь на северо-восток позади и южнее фланга XXXX моторизованного корпуса, который продвигался с боями по шоссе. Они заняли Верею и направились по хорошей гравийной дороге на северо-восток к Дорохово, расположенному на Минском шоссе. Там они потеснили советскую 151-ю мотострелковую бригаду, получили несколько болезненных ударов от танков, приданных ей, однако со своими девятью батальонами против трех советских они продвигались вполне быстро. Мотострелковая бригада была разбита в ходе этих боев. Далеко позади к югу от 7-й пехотной дивизии подошла 292-я, очень слабая дивизия, потрепанная в августе-сентябре в боях под Ельней к югу от Минского шоссе и к северу от автодороги Рославль — Подольск [59]². В 20 км к северу от Малоярославца и автодороги Рославль — Подольск располагается Боровск. Немецкая 258-я пехотная дивизия Вальдемара Хенрици была в авангарде немецкого наступления по данной автодороге. После ожесточенных боев в районе Малоярославца дивизия продвинулась на север и восток, овладев главной дорогой на Подольск. Затем они вместе с 3-й пехотной (моторизованной) дивизией в течение трех суток вели кровопролитные бои с советскими 110-й и 113-й стрелковыми дивизиями и разгромили их к 20 октября [49, с. 127-133; 62, с. 11-129]. Такова была предыстория сражения за Наро-Фоминск.

Наро-Фоминск

Наро-Фоминск — это древнее поселение, первое письменное упоминание о котором восходит к 1339 г., временам великого князя Ивана Калиты, тогда оно называлось *село Нарьское*. В середине XIX в. село *Наро-Фоминское* стало одним из первых промышленных поселений России, где были построены несколько бумагопрядильных фабрик, использующих гидроэнергию реки Нары. После революции все фабрики были национализированы и стали единым комбинатом; в 1926 г. рабочий поселок получил статус города и в 1929 г. стал районным центром. В 1941 г. население города составляло более 20 000 человек. Сам город простирался с запада на восток примерно на 4 км и чуть более чем на 1 км — с севера на юг, с несколькими небольшими пригородными деревнями в пределах пятикилометрового радиуса от города [11, с. 16].

¹ Документ 77 (Приказ № 0055 от 18 октября 1941 г.), согласно которому 33-я Армия отделяется от войск 5-й и 43-й Армий и Наро-Фоминского гарнизона.

² Записи за период с 14 по 20 октября 1941 г. 7-й пехотной дивизии была поставлена формальная задача занять Верею вечером 13 октября 1941 г.

Река Нара делит город на две части. От *Нарских прудов*, болотистой местности к юго-западу от Кубинки и к югу от Минского шоссе, река течет на юг, а затем — на юго-запад к Наро-Фоминску. Затем она течет на юг и юго-восток через Каменское к Папино и Горкам, где ее пересекает автодорога Рославль — Подольск. К югу от Папино река делает резкий поворот на восток к Тарутино, затем на юго-восток и наконец впадает в могучую Оку у Серпухова. В районе Наро-Фоминска ширина реки составляла от 12 до 24 м, при этом там не было ни больших глубин, ни быстрого течения. Однако река всё же представляла собой препятствие для транспорта и тяжелого вооружения, для ее пересечения требовался мост или переправа.

На момент сражения реку пересекал мост у Таширово, в 6 км вверх по течению от Наро-Фоминска. В самом Наро-Фоминске было четыре моста. В центре города река делает небольшую петлю к востоку от района текстильного комбината, расположенного на ее западном берегу. Небольшой пешеходный мост пересекал ее с северного берега петли, напротив комбината. Старая дамба, с которой подавалась вода для первых прядилен, располагалась в 240 м к востоку от пешеходного моста. Через 150 м вниз по течению, на главной дороге через Наро-Фоминск, был *каменный* мост. Рядом с мостом, на восточном берегу реки — большая церковь Николая Чудотворца, с колокольни которой открывался хороший обзор окружающей местности, по крайней мере — тех мест, которые не были засажены деревьями. Далее в 400 м вниз по течению реку пересекал двойной железнодорожный мост. Двойная железнодорожная колея шла от Москвы до Разъезда 75-й км, в 10 км к юго-западу от Наро-Фоминска. Оттуда железная дорога становилась однопутной, уходя далее на юго-запад, на Киев.

Ниже по течению от железнодорожного моста мостов не было до самого Каменского, в 15 км к югу, хотя была переправа у Слизнево, затем был мост в районе Папино — Горки, в 12 км далее на юго-восток. Современное Киевское шоссе, которое сейчас пересекает Нару к югу от железнодорожного моста, в 1941 г. только строилось, и строительство продолжалось еще долго после войны. На военных картах есть отметки, что дорога начата, но не завершена и не асфальтирована, и моста через Нару в этом месте не было. У нескольких деревень, стоящих на берегах Нары, были места, где грунтовые дороги и более-менее оборудованные переправы позволяли перебрасывать транспорт через реку, но основная часть правого берега заросла деревьями, которые затрудняли обзор, а также не позволяли никакому транспорту въехать на паромную переправу с берега без инженерного оборудования.

Хотя с запада и юго-запада к Наро-Фоминску не подходило никаких хороших дорог, на восточном берегу Нары была улучшенная дорога со щебеночным покрытием, которая шла от Кубинки на Минском шоссе к Наро-Фоминску, а затем далее на юг — до Каменского. К северо-востоку от города была хорошая дорога длиной 6 км до Бекасово. Если бы немцы захватили Наро-Фоминск, между ними и Москвой на расстоянии всего 65 км не было бы ни одного препятствия в виде реки, а были бы только грязные дороги. Однако они бы могли

выйти на хорошую дорогу, прямо на Минское шоссе, сразу за полосой обороны 5-й Армии генерал-майора артиллерии Л. А. Говорова к западу от Кубинки. Они бы также оказались на рубежах, позволяющих направить подкрепление для LVII моторизованного корпуса и XII корпуса, пытающихся пересечь Нару по автодороге Рославль — Подольск.

Была еще одна особенность местности, которая заслуживает обсуждения. Все немецкие мемуаристы и их западные последователи приписывают провал второго этапа операции «Тайфун» в октябре 1941 г. погодным условиям и невероятной грязи. Это серьезное искажение, имеющее своей целью умалить сопротивление Красной Армии и прикрыть грубую некомпетентность немецкого командования, перебои в логистике (обусловленные *недостатком ресурсов* гораздо в большей степени, чем трудностями в доставке грузов), разрушительные последствия перегрузок существующих дорог и самонадеянность, о которой столько кричали и которая привела к феерическому поражению. Со 2 по 18 октября 1941 г. было всего 6 дней из 17, когда 4-я Армия немцев сообщала о дождях, иногда со снегом. В целом холодный период погоды с 8 по 17 октября не дал немцам ощутить *распутицу* в полной мере. Однако 19 октября «разверзлись хляби небесные», и в течение двух суток, 19 и 20 октября, шел самый сильный дождь за весь месяц. В результате грунтовые дороги стали практически непроходимыми для автотранспорта и с трудом проходимыми для лошадей. Только гусеничная техника и «пушечное мясо» в виде пехоты (по уши в грязи) сохранили способность передвигаться по ним [64, с. 646-658].

Планы

С немецкой стороны ни Клюге, ни Кунцен не проявляли особого интереса к Наро-Фоминску. Их внимание было по-прежнему приковано к автодороге Рославль — Подольск, которую они называли *автобаном (Rollbahn)*, т. е. главному маршруту 4-й танковой группы к югу от Минского шоссе. Наро-Фоминск следовало захватить, чтобы улучшить сообщение между 4-й танковой группой на Минском шоссе и силами фон Клюге на *автобане*. Эта задача была возложена на 258-ю пехотную дивизию, поддерживаемую справа частями 3-й моторизованной пехотной дивизии. Слева подходила 292-я пехотная дивизия, однако она была слабой и тащилась в арьергарде. 7-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта Эккарда фон Габленца заняла Верею к югу от Минского шоссе и теснила 151-ю мотострелковую дивизию на северо-восток, не вступая во взаимодействие с силами, наступавшими на Наро-Фоминск.

После захвата Боровска 258-я пехотная дивизия выдвинулась на восток и на север, фронтом на восток. Командир дивизии, генерал-лейтенант Вальдемар Хенрици был ранен в первый день «Тайфуна», а его замена, хотя и была уже назначена, еще не прибыла. Вел дивизию временно исполняющий обязанности командира полковник фон Арним, ранее командир 479-го пехотного полка. Стрелковые роты дивизии поредели в среднем до 60 человек каждая. Артиллерия почти не пострадала, хотя боеприпасов не хватало, и существовали большие

трудности по транспортировке орудий, особенно 150 мм гаубиц [62, с. 117-122]¹. В 3-й моторизованной пехотной дивизии под командованием генерал-майора Курта Яна, как и в других моторизованных пехотных дивизиях, было только два полка пехоты: 8-й и 29-й. 8-й пехотный полк продвигался к Наро с севера от автодороги Рославль — Подольск, а два батальона 29-го полка выдвинулись к югу от данной автодороги, поддерживая 19-ю танковую дивизию [55, 57]².

Снабжение обеих дивизий было организовано по очень хлипкой схеме: по железной дороге грузы подвозились из глубокого тыла на склады, которые были сооружены в районе Рославля и Смоленска. От этих складов на грузовиках они доставлялись на фронтные склады, организованные в Юхнове и других местах. Затем их опять перегружали в вагоны и везли по отремонтированной железной дороге на Боровск. Оттуда их снова перегружали в грузовики и прицепы и везли еще около 10 км до Балабаново, где снова перегружали в вагоны без локомотивов, на конной тяге, еще 10 км на север до Башкино. Теперь боеприпасы и продовольствие можно было грузить на телеги и подвозить на лошадях на передний край. Обе дивизии «сидели на диете»: топлива практически не было, боеприпасов было мало, продовольствия — очень мало [57]³.

4-я Армия направила эту группу маршем на Наро-Фоминск с задачей захватить город, соорудить плацдарм для переправы через Нару и подготовить дальнейшее наступление на восток и северо-восток. Хотя в Боровске за последние несколько дней они ощутили ожесточенное сопротивление противника, им казалось, что противник измотан потерями, и фронт вот-вот рухнет. Это была «картина маслом»: сильно измотанные, истекающие кровью, в отчаянном положении со снабжением, большинство немцев от генерала до солдата чувствовали, что, наконец, *наконец*, они это сделают, они скоро войдут в Москву, и, кто знает, — может быть, к Рождеству уже будут дома?

Советские планы были типичными для сил, откатившихся под мощным ударом противника. Давай отпор, где можешь, удерживай свои позиции, старайся залатать дыры в обороне, изо всех сил старайся изыскивать или создавать резервы. 33-й Армии генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова было приказано отбить свои рубежи в Боровске, на шоссе и на автодороге [30, л. 50 (45)]. Такие приказы были далеки от оперативной обстановки: немцы сохраняли численное

¹ В источнике описывается состояние дивизии на 17-19 октября 1941 г., а также приводятся комментарии по поводу некоторого непонимания между дивизией и Верховным командованием насчет положения дел.

² В обоих источниках — записи от 19 октября 1941 г. Здесь и далее все ссылки на немецкие журналы боевых действий (*Kriegstagebuch*, *КТВ*) будут на оперативные отделы (*1a*), при цитировании будет указываться номер подразделения. Если журнал боевых действий велся разведывательным или другим отделом, будет указано *КТВ 1с*, *КТВ 2a*, *КТВ 2b* и т. д.

³ Записи с 17 по 20 октября 1941 г. насчет периодических проблем с поставками и дорогами к северу от «автобана» в районе боевых действий 258-й пехотной и 3-й пехотной (моторизованной) дивизий.

превосходство, в их руках была инициатива, и они неуклонно, хотя и медленно, продвигались к Москве. Подкрепление для 33-й Армии прибывало, но его масштабы были далеки от того, чтобы коренным образом изменить ситуацию.

Г. К. Жуков был хорошо осведомлен о том, что немцы измотаны. Стоящие перед его Западным фронтом, они имели сокрушительное превосходство. Однако если посмотреть на войска, находящиеся на передовой, их личный состав значительно уменьшился, и эти фронтовые соединения испытывали серьезные трудности по сравнению с тем периодом, когда они переходили границу в июне, и особенно — по сравнению с тем периодом, когда начиналась операция «Тайфун». Г. К. Жуков был полководцем, проникнутым наступательным духом, и видел некоторые возможности. Он получил несколько новых дивизий, и они, хотя очень неоднородные по своей боеспособности, были свежими и в основном сильными по личному составу и вооружению. Некоторые из них были закалены в боях с японцами на Дальнем Востоке. Г. К. Жуков уже успешно ударил под Калинином 17 октября, нанеся потери XXXXI моторизованному корпусу 3-й танковой группы и поставив ее на грань уничтожения. Как только Г. К. Жуков начал получать пополнение, его мысли стали обращаться к контрударам против врага, угрожающего с запада. И Ставка, и Г. К. Жуков хорошо понимали, что их стремления превышают возможности, но короткие, жесткие контрудары, призванные обескровить передовые силы врага, казались эффективным способом замедлить или даже остановить продвижение немцев.

33-я Армия

В документах Западного фронта зафиксировано, что «опергруппа штарма 33 со второй половины дня 13.10 в движении на НАРО-ФОМИНСК для организации управления 113, 110 сд, 151 МСБр и 9 ТБр». 9-я танковая бригада участвовала в боях за Боровск в третью неделю октября и была отведена для доукомплектования перед началом сражения за Наро-Фоминск, поэтому она не будет упоминаться в данном исследовании [24, л. 89 (88)].

У генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова насчитывалось три «дивизии», растянувшиеся по фронту примерно на 22 км. Этого было бы недостаточно, даже если бы эти дивизии были в полном составе. Но это всё, что было в наличии.

На правом фланге армии находилась 222-я стрелковая дивизия, точнее — 222-я сводная Московская стрелковая дивизия. Первоначально дивизия была сформирована в марте-июле 1941 г. в Орловском военном округе под командованием полковника (впоследствии — генерал-майора) Фёдора Александровича Боброва и организована по штатам мирного времени с личным составом около 6 000 человек, что предусматривало развертывание. По состоянию на 1 октября дивизия входила в подчинение 43-й Армии и занимала полосу обороны длиной 22 км, с личным составом численностью 9 446 человек, вооруженных 94 пулеметами, 54 пушками и минометами и 13 противотанковыми орудиями, зенитных установок не было [13, с. 32]. Когда их атаковала немецкая 78-я пехотная дивизия, 267-я пехотная дивизия прорвалась через позиции

южного соседа Ф. А. Боброва и начала угрожать ему с тыла. К 5 октября немцы доложили, что дивизия окружена вместе со 145-й танковой бригадой. Впоследствии остатки дивизии, в том числе штаб, вышли из окружения, и дивизия была переформирована из личного состава (не считая собственно 222-й) 149-й, 162-й и 129-й стрелковых дивизий под командованием полковника (впоследствии — генерал-майора) Тимофея Яковлевича Новикова и полкового комиссара Ивана Николаевича Слуховского [12, с. 147-151]. Полковник Ф. А. Бобров вернулся на должность командира 222-й стрелковой дивизии 8 декабря 1941 г. и продолжал воевать; он погиб в бою в сентябре 1944 г. в должности командира 42-й Гвардейской стрелковой дивизии, ему присвоено звание Героя Советского Союза (1945 г., посмертно) — высшая военная награда СССР. Переданная в 33-ю Армию 18 октября 1941 г. 222-я стрелковая дивизия в составе около 4 000 штыков, по-видимому, практически не имела артиллерии [40]¹. 20 октября она находилась в 18 км к западу от Наро-Фоминска, в деревне Смолинское. Там она столкнулась с разведывательным батальоном 252-й пехотной дивизии, прикрывающим свой левый фланг. У этой дивизии было мало боеприпасов и плохая связь со штабом армии. На ее правом фланге находились остатки 151-й мотострелковой бригады, противостоящей 7-й пехотной дивизии на дороге Верея — Симбухово — Дорохово.

Слева у М. Г. Ефремова, т. е. на южном фланге, занимала оборону 113-я стрелковая дивизия. В отличие от кадровой 222-й, эта дивизия была *дивизией народного ополчения*, т. е. дивизией добровольцев. Дивизия была сформирована под командованием генерал-майора Ивана Андреевича Преснякова во Фрунзенском районе г. Москвы в июле 1941 г. как 5-я Фрунзенская дивизия народного ополчения, а 26 сентября 1941 г. введена в состав регулярной Красной Армии как 113-я стрелковая дивизия второго формирования. По состоянию на 15 сентября 1941 г. в дивизии было 880 начсостава, 1 408 младшего комсостава, 9 213 красноармейцев, всего 11 501 человек личного состава, 12 автомашин, 227 грузовиков, 24 специализированных грузовика, 12 тракторов, 11 мотоциклов без колясок, 3 210 лошадей, 0 танков, 7 203 винтовок и карабинов, 1 066 полуавтоматических винтовок, 126 станковых пулеметов, 158 ручных пулеметов, 170 автоматов, 2 зенитных установки, 1 крупнокалиберный пулемет ДШК, двадцать семь 76 мм пушек, четыре 75 мм пушки производства Франции, ноль 45 мм пушек, пятнадцать 37 мм зенитных орудий, ноль 122 мм гаубиц, ноль 120 мм минометов, восемнадцать 82 мм минометов, шестьдесят 50 мм минометов, 18 радиостанций (по радиостанциям информация на 15 сентября, по остальным позициям — на 20 сентября) [15, с. 172-174].

Дивизии не хватало не только гаубиц, крупнокалиберных минометов, противотанковых орудий, но и обученности. Как и в большинстве дивизий народного ополчения, бойцы данной дивизии провели в армии чуть более двух месяцев,

¹ В данной оперативной сводке штаба артиллерии 33 А по состоянию на 22:00 часа 27 октября 1941 г. (т. е. неделю спустя) указано, что 605-й артиллерийский полк 222-й стрелковой дивизии все еще находится «в стадии формирования».

в основном на строительстве оборонительных сооружений с небольшой строевой и стрелковой подготовкой. Московские рабочие наиболее горячо откликнулись на призыв советского правительства, объявившего гражданских добровольцев «солдатами», однако после трех месяцев службы это был уже опыт на грани отчаяния. Главные проблемы недостаточно обученных войск заключались в неспособности эффективно применять собственное оружие и, что еще хуже — в неспособности защитить себя от оружия врага.

По состоянию на 1 октября 1941 г. 113-я стрелковая дивизия входила в состав 43-й Армии и занимала линию обороны Гарь — Ясная Поляна к западу от Кузьминичей в районе автодороги Рославль — Подольск. После начала операции «Тайфун» дивизия попала в окружение в районе Спас-Деменска, уже 5 октября 1941 г. штаб 43-й Армии сообщал, что связи с дивизией не имеет. 10 октября 1941 г. штаб 43-й Армии определил местом сбора дивизии по выходу из окружения с. Доброе в районе станции Обнинское к югу от Наро-Фоминска [33, л. 31 (17)-41 (22)].

Согласно донесению командира 3-го батальона 1-го стрелкового полка капитана Макеева начальнику отдела кадров 33-й Армии,

«113 сд 43 армии вела последний бой в тылу противника 18 октября 1941 г., каковым руководил командир дивизии генерал-майор Пресняков, где он был ранен, а комиссар дивизии тов. Антропов был убит. При выходе из боя оставшиеся подразделения по указанию командира дивизии должны были следовать через Варшавское шоссе на соединение с частями Красной Армии, с последующей разбивкой в пути на более мелкие группы для большей возможности следования в тылу врага» [31, л. 191].

Однако бригадный комиссар Александр Никитич Антропов до сих пор числится пропавшим без вести [18, л. 5], а генерал-майор Иван Андреевич Пресняков, согласно немецким документам, попал в плен 16 октября 1941 г. в районе Милятино к северо-востоку от Спас-Деменска [16, л. 10-11]. Впоследствии, в 1943 г., он был казнен немцами в концлагере Флоссенбург за создание подпольной организации.

18 октября 1941 г. в связи с прорывом противника на Малоярославецком направлении дивизии был дан приказ о переходе на новый рубеж обороны: Ермолино, выс. 129,1, Маланьино, Пантелеевка. В тот же день 113-я стрелковая дивизия была включена в состав 33-й Армии [33, л. 49 (25)-50 (26)], а 19 октября ее командиром назначен полковник Константин Иванович Миронов.

Вышедшие из окружения части дивизии вели бои за Боровск. По состоянию на 17:00 часов 16 октября 1941 г. штаб дивизии находился в Бараново, а личный состав насчитывал менее 1 500 человек, в том числе в 1290-м стрелковом полку — 700 человек, в 1292-м — 600 человек, сведений по 1288-му стрелковому полку не имелось [32, л. 618].

Таким образом, к началу сражения за Наро-Фоминск у полковника К. И. Миронова от дивизии осталось всего ничего. По состоянию на 24 октября дивизия

докладывала о наличии 257 начсостава, 50 младшего комсостава, 1 023 красноармейцев, всего 1 330 человек личного состава, вооруженных одиннадцатью ручными пулеметами, одним крупнокалиберным пулеметом, шестью 122 мм гаубицами, тремя 152 мм гаубицами (неизвестно откуда взявшимися), при полном отсутствии минометов, грузовиков, зенитной артиллерии, противотанковых орудий и 76 мм пушек. Упоминается, что у артиллерийского полка нет лошадей, о наличии или отсутствии тракторов для транспортировки гаубиц даже не упоминается [28]. Впрочем, это слишком смелое предположение. К. И. Миронову и его бойцам повезло, что основное направление немецкого наступления на Наро-Фоминск не проходило через его полосу обороны. 20 октября наступление велось на Балабаново и южнее.

В центре полосы обороны М. Г. Ефремова занимала оборону 110-я стрелковая дивизия под командованием полковника Степана Трофимовича Гладышева. Как и соседняя 113-я стрелковая дивизия, 110-я была из московских добровольцев, сформированная в июле как 4-я дивизия народного ополчения. Первоначально в ней было 6 852 человека, вооруженных польскими и французскими винтовками, пулеметами Браунинга, прозванными «картофелекопалками», 150 патронов на стрелка и 2 000 — на пулемет. Ополченцы на 60% были членами ВКП(б), однако многие были далеко не призывного возраста. На момент формирования возраст 17% личного состава составлял 17-20 лет, 14,5% — 20-30 лет, 34,5% — 30-40 лет, 29% — 40-50 лет и 5% были старше 50 лет. Дивизия была сформирована в Куйбышевском районе г. Москвы [4, с. 14]. Дивизия получила вооружение советского производства и была введена в состав регулярной армии 26 сентября. Обученность была примерно такого же уровня, как и у 113-й дивизии. По состоянию на 2 сентября личный состав дивизии насчитывал 11 627 человек, в дивизии было 2 469 лошадей, 44 автомашины, 8 595 винтовок, 150 автоматов ППД и ППШ, 112 ручных пулеметов, 111 станковых пулеметов, 144 миномета (от 50 до 120 мм), тридцать 76 мм пушек, восемь 122 мм гаубиц. Опять же противотанковых орудий не было, как и зенитной артиллерии [4, с. 24].

В начале операции «Тайфун» дивизия находилась не в 33-й Армии к югу от Минского шоссе, а к северу от него, в составе 31-й Армии генерал-майора В. Н. Долматова. После боев на дальних подступах к Ржеву дивизия получила приказ грузиться в эшелоны. Они отправились (временно без своего 1287-го стрелкового полка) по железной дороге 9 октября, чтобы закрыть брешь Можайской линии обороны. Эшелоны разгрузились в Наро-Фоминске утром 11 октября, и ополченцы прошли маршем в район Боровска [52, с. 223; 8, с. 150].

Бои за Боровск 14-19 октября были ожесточенными, 110-я стрелковая дивизия вела бои к северо-востоку от города, 113-я — к востоку при поддержке 9-й танковой бригады. Немцы бросили в наступление с юга танковый полк 19-й танковой дивизии и полк 3-й моторизованной пехотной дивизии, в то время как 258-я дивизия вела бои в самом городе и к северу от него. Бои шли с переменным успехом, немцы заметили яростное сопротивление советских войск, в частности — с северо-востока (110-я стрелковая дивизия). Однако к 19 октября

город оказался в руках немцев, и хотя отмечались периодические контратаки, два дня спустя LVII моторизованный корпус доложил, что противник, кажется, «вышел из боя» [57]¹.

Он действительно вышел из боя. Дивизия С. Т. Гладышева потеряла убитыми и ранеными 6 179 человек, а также 1 465 лошадей между 13 и 20 октября (предположительно, не включая 20 октября). Учитывая, что по состоянию на 20 сентября 1941 г. численность личного состава дивизии составляла 12 387 человек, это были сокрушительные потери. 1287-й стрелковый полк майора Якова Борисовича Присяжнюка воссоединился с дивизией и провел успешную контратаку 19 октября, хотя и с большими потерями; и это всё, что дивизия смогла сделать [12, с. 152-153; 25].

Хотя у Ставки на тот момент было очень мало резервов, было решено выделить Г. К. Жукову 1-ю Гвардейскую мотострелковую дивизию, и он безотлагательно направил ее в 33-ю Армию М. Г. Ефремова. Дивизия принесла с собой славное имя и репутацию. Сформированная в 1927 г. как 1-я Московская Пролетарская стрелковая дивизия, в 1940 г. она была преобразована в мотострелковую дивизию с танковым полком, состоящим из 4 батальонов (все танки были БТ-7М). Дивизия выдвинулась из своего базового лагеря в Алабино в конце июня и вела бои в районе Орши и Борисова независимо от 7-го механизированного корпуса, в состав которого она входила. После больших потерь своей пехоты, в начале августа дивизия была переформирована в 1-ю танковую дивизию. Дивизия участвовала в тяжелейших боях: сначала было отчаянное контрнаступление против танковой группы Гота, затем ей пришлось прорываться из окружения на запад и воевать в тылах противника, пытаясь вызволить из котла советские войска в районе Могилева. Дивизия вышла к своим из немецкого тыла и 21 сентября получила почетное наименование 1-й Гвардейской Московской мотострелковой дивизии. Однако, как и практически каждое соединение, которое было удостоено чести называться Гвардейским в 1941-1942 гг., дивизии пришлось заплатить за это звание высокую цену: в каждом из ее двух мотострелковых полков осталось не более 600 человек личного состава и практически не осталось танков. Дивизию отозвали с Западного фронта на переформирование и оставили в резерве Ставки [6, с. 201; 7, с. 244-257; 53, с. 75]. Затем ее направили на Юго-Западный фронт, где она вела бои за Сумы в конце сентября.

По состоянию на 19 сентября дивизия состояла из двух мотострелковых полков, 6-го и 175-го, 5-й танковой бригады, 13-го артиллерийского полка (ни одна из частей дивизии больше не получила наименование Гвардейской до февраля 1942 г.) плюс войсковая разведка, зенитный и минометный дивизионы, саперный и автомобильный батальоны, батальон связи и другие подразделения. Всего в дивизии было 9 206 человек, 31 танк, 10 бронемашин, 44 пушки, 40 минометов и 20 зенитных установок [14, с. 36]. Командовал дивизией полковник (впоследствии — генерал-майор) Александр Ильич Лизюков, Герой Советского

¹ Запись от 17 октября 1941 г. в разделе «Общее представление о противнике».

Союза, получивший это высокое звание за отчаянные оборонительные бои летом 1941 г. Он стал командующим корпусом, а затем — 5-й танковой армией в 1942 г. Погиб во время неудачных боев за Воронеж летом 1942 г.

Дивизия выглядела более грозной, чем была на самом деле. Несмотря на то, что в поредевшей армии М. Г. Ефремова появилось существенное подкрепление в виде полной свежих сил дивизии с собственной танковой бригадой, у этой дивизии было существенное слабое место. Ее ряды были пополнены только что призванными бойцами и добровольцами из числа московских рабочих. Некоторые находились в запасе, другие прошли недолгое обучение в рабочих и истребительных батальонах, но фактически они были настолько неопытными, что большинство красноармейцев никогда не видели боя.

В арtpолку дивизии было два дивизиона, что было стандартом для мотострелковой дивизии в 1941 г., однако в дивизии был также минометный дивизион, не предусмотренный соответствующим штатом. Он был оснащен восемью 82 мм ракетными установками М-8.

5-я танковая бригада дивизии имела необычную структуру. Она гордилась своими 1 танком КВ-1, 6 танками КВ-2, а также 18 (возможно, 21) танками Т-34, 7 БТ-7, 1 БТ-5 и, возможно, 7 Т-26. Из них 3 танка КВ, 3 Т-34, 1 БТ-7, 1 БТ-5, 2 Т-26 и 7 тракторов находились на ремонте, а 2 КВ-1 были оставлены 40-й Армии, когда дивизию уже передали 33-й Армии. В этом не было ничего особенного, разве что КВ-2 были очень редкими на тот момент, т. к. их производство было прекращено еще до войны. Однако в танковой бригаде не было обычного мотострелкового батальона (иногда именуемого моторизованным пулеметным батальоном), что было практически уникальным для танковых бригад 1941 г., которые сами по себе имели очень разнородную структуру. С другой стороны, в бригаде был собственный зенитный дивизион, оснащенный 37 мм орудиями, что при наличии также отдельного зенитного дивизиона в подчинении дивизии обеспечивало соединению существенную защиту от угрозы с воздуха [27; 44, л. 80-81].

После приказа выдвинуться на север, на Западный фронт, дивизия погрузилась в эшелоны и начала выгрузку в районе Апрелевка — Алабино, примерно 28 км к северо-востоку от Наро-Фоминска; знакомые места, поскольку именно здесь базировалась дивизия накануне войны. Некоторые части выгрузились ближе к станции Наро-Фоминск. Генерал-майор А. И. Лизюков приказал подполковнику Павлу Вениаминовичу Новикову, командиру 175-го мотострелкового полка, усиленного 1-м дивизионом 13-го арtpолка, действовать как передовой отряд дивизии. Он должен был охранять Наро-Фоминск и прикрывать прибытие остальной части дивизии, а затем выдвинуться на юго-запад, чтобы отбить Боровск или, в крайнем случае, защищать Наро-Фоминск от наступающих немцев [14, с. 37].

20 октября 1941 г. по обеим сторонам фронта

Посмотрим на фронт в целом, чтобы понять, в каком контексте вот-вот начнется битва за Наро-Фоминск.

Со стороны генерала-фельдмаршала Федора фон Бока положение далеко от идеала, но внушает надежды. На севере 9-я Армия продвигается вперед, но очень медленно, и хотя 22-я Армия и частично 29-я Армия сопротивляются вяло, контратаки происходят регулярно. А вот на правом фланге 9-й Армии назревает катастрофа. 1-я танковая дивизия и 900-я учебная бригада (*Lehr Brigade*) отрезаны к северо-востоку от Калинина и отчаянно пытаются прорваться к городу; их атакуют со всех сторон, а горячее и боеприпасы на исходе. Остальные войска XXXXI корпуса в осаде в самом Калинине, пути снабжения перерезаны, их атакуют с севера и с юга, а их основной путь подвоза, аэродром к юго-западу от города — под артиллерийским огнем с наблюдением. Грузоперевозки воздушным транспортом для Группы армий «Центр» были жизненно необходимы для корпуса. К югу от них медленно просачивается тыловое обеспечение пехоты, однако LVI моторизованный корпус с двумя танковыми дивизиями и одной моторизованной дивизией полностью парализован и не в состоянии тронуться с места из-за отсутствия горячего.

Генерал-полковник И. С. Конев во главе только что созданного Калининского фронта испытывает большие затруднения с координацией своих войск и даже со связью с ними. Он пытается сделать больше, чем это возможно при имеющихся у него силах. Его цель — отбить Калинин, но ему это не удастся. Его противник застрял на месте, несет потери, отбивая его атаки, и никак не может продолжить свое собственное наступление [63, с. 85, глава 6 полностью].

Южнее Калинина во фронте брешь. Между 30-й Армией генерал-майора В. А. Хоменко, сражающейся сразу к югу от Калинина, и 16-й Армией генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского, обороняющей Волоколамск, брешь примерно 40 км. С советской стороны брешь прикрывает Оперативная кавалерийская группа генерал-майора Л. М. Доватора в составе двух кавалерийских дивизий численностью не более 3 000 человек вместе взятых. С немецкой стороны войск мало, практически нет: разведка 6-й танковой дивизии и пехота в пути следования на север от Калинина. Обе стороны опасаются, что в этой дыре что-то может произойти. Немцы боятся больше, потому что 21-я танковая бригада уже однажды материализовалась из этой пустоты и ударила по тылам XXXXI корпуса у Калинина. Генерал-фельдмаршал фон Бок будет зачарован данной ситуацией вплоть до конца октября, держа в резерве свои последние пехотные дивизии, чтобы блокировать любую потенциальную атаку с этого направления [63, с. 106-107].

В секторе советской 16-й Армии XXXXVI моторизованный корпус продолжает сражаться с левым флангом 316-й стрелковой дивизии в районе Большечево, однако танки 2-й танковой дивизии подходят к месту боя и на следующий день, 20 октября, протолкнув измотанную 11-ю танковую дивизию и заставят фланг К. К. Рокоссовского отступить на 14 км, отсекая его от 5-й Армии и угрожая завернуть 16-ю Армию налево (южный фланг) [56]¹.

¹ Запись от 20 октября 1941 г.

На Минском шоссе немецкий XXXX моторизованный корпус 18 октября занял Можайск и готовится продолжить наступление на восток на следующий день своей 10-й танковой дивизией. К югу от Наро-Фоминска LVII моторизованный корпус и XII корпус готовятся продолжить наступление по автодороге Рославль — Подольск после очень тяжелых боев. У Калуги на юге части немецкой 4-й Армии слабо давят на еще более слабые части советской 49-й Армии, однако танков нет, и практически нет снабжения, ничего особенного здесь не ожидается.

В Москве Ставка пришла к выводу, что враг в любой момент может прорвать Можайскую линию обороны. Необходимо отвести весь Западный фронт назад к новым рубежам обороны ближе к столице. Однако когда планы отхода уже были составлены, был отдан другой приказ о создании противотанковых дотов на всех подходах к Москве, чтобы придать обороне глубину и предотвратить дальнейшее наступление немцев в случае внезапного прорыва обороны, поэтому Ставка не готова была отдать приказ на отход. Можайская линия обороны держалась из последних сил. Ситуация была неустойчивой [2, с. 111-112]¹.

19 октября произошло еще одно событие, которое повлияло на ход сражения. Немецкие мемуары и послевоенные историки хором обвиняют октябрьские дожди и грязь в провале операции «Тайфун». Тщательное исследование немецких записей, содержащих ежедневный отчет о погодных и дорожных условиях, а также описание массивных заторов на дорогах, грамотные подрывы мостов и дренажных сооружений советскими войсками, серьезный ущерб от чрезмерной нагрузки на дороги и последствия атак советской авиации показывают, что большинство проблем немцев не имели отношения к погоде. Кроме того, немецкие записи о снабжении, которые убедительно показывают, что горючее, боеприпасы и продовольствие попросту не поступали из Германии на временные полевые склады накануне начала операции 2 октября, делают это оправдание смехотворным. Однако 19 октября «хляби небесные» действительно разверзлись, и дождь лил двое с половиной суток. С этого момента низкие места, болота, броды через многочисленные реки и подъезды к взорванным мостам и дорогам превратились в бездонные ямы с грязью. К 21 октября даже советские источники фиксировали, что большинство грязных дорог являются непроходимыми для автотранспорта [64, с. 650].

Фон Клюге и Жуков

У генерал-фельдмаршала Гюнтера фон Клюге была проблема. Операция «Тайфун» не рассматривала плана действий после разгрома «Группы армий Тимошенко». Фон Бок, вся его танковая группа и армейские командующие понимали, что следующей целью будет Москва. Но Гитлер за день до того, как будет объявлено о зачистке Вяземского котла, отдал приказы, исключающие прямое наступление на Москву. Вместо этого 9-я Армия и 3-я танковая группа должны пойти на север и северо-восток, а 2-я Армия — на юг. Гёпнер отправит свою 4-ю танковую группу

¹ После падения Можайска 18 октября 1941 г. Ставка приказала подготовку к отходу от Можайской линии обороны не начинать до особого распоряжения. Этого распоряжения так и не последовало, немцы были остановлены.

на северо-восток, чтобы обойти Москву с севера, а Гудериан поведет свою 2-ю танковую армию дальше на юг, на Тулу, и затем обойдет Москву с юга и юго-востока. Когда город будет окружен, он будет разрушен авиацией и артиллерией. Гитлер прагматично видел в боях от здания к зданию потенциальную мясорубку, которая может развалить даже успешную армию [69, с. 114-116].

Это заставило фон Клюге с его 4-й Армией только смотреть на Москву с запада и на Калугу — к югу от Минского шоссе. Что ему оставалось делать? По сути, он должен был давить на восток, на центр советских войск, чтобы не ослабить свои фланги, откуда могла прийти реальная угроза. Единственной дорогой, которую можно было использовать для поддержки этих усилий, была автодорога Рославль — Подольск, которую с начала операции «Тайфун» называли автобаном (*Rollbahn*) и которая была главной артерией для снабжения и движения 4-й Армии. Именно там фон Клюге поставил большую часть своего LVII моторизованного корпуса, состоящего из 19-й и 20-й танковых и 3-й моторизованной дивизий. Однако именно там были мощнейшие советские укрепления, и немцы получали там жесточайший отпор. Бои уже ослабили передовые части немцев, и 20-я танковая — уже не дивизия, а тень от нее — откатилась к «остальным». Кроме того, по этой оси наступления 4-я Армия должна была поддерживать контакт со своими соседями: 4-й танковой группой на севере и 2-й Армией на юге. На юге два корпуса слабо толкали еще более слабую советскую 49-ю Армию у Калуги [55, 57]¹.

Всё решалось на центральной оси наступления, где 4-я танковая группа вела ожесточенные бои на Минском шоссе. В том месте, где проходила линия фронта по состоянию на 20 октября, между шоссе и автодорогой Рославль — Подольск было около 50 км (две дороги сходятся в Москве с запада и юго-запада). Чтобы контролировать эту брешь, у фон Клюге имелись в наличии только 258-я пехотная дивизия и один полк 3-й моторизованной дивизии. Издалека подходили — правда, очень издалека и очень медленно — 183-я и 292-я пехотные дивизии (позади южного и северного флангов 258-й дивизии соответственно), однако 4-я Армия была совсем не уверена, что сможет даже прокормить эти войска, если бы они подошли ближе к фронту. Следовательно, наступление на Наро-Фоминск, которое началось 20 октября, не имело серьезных и глубоких целей. Единственным намерением было захватить город Наро-Фоминск и мосты через Нару и создать плацдарм, который можно будет использовать для последующих задач, которые пока не были определены [55, 57]².

У генерала армии Г. К. Жукова была несколько более простая задача. Ни Г. К. Жукову, ни Ставке точные планы немцев еще не были известны. Единственное, что они знали, — что враг уже близко от Москвы, на расстоянии менее 100 км, и что силы на фронте ужасно редкие и едва держатся. Г. К. Жуков не знал, что будет получать небольшой, но постоянный поток пополнения. Это были

¹ В обоих источниках записи от 19-20 октября 1941 г.

² В обоих источниках записи от 19-20 октября 1941 г., см., в частности, подробные донесения 4-й Армии от всех нижестоящих частей о трудностях с передвижением и снабжением.

отдельные дивизии, прибывающие из глубокого тыла и примыкающих фронтов; пополнение в виде «маршевых батальонов»¹ и постоянный ручеек из вновь сформированных танковых бригад, противотанковых, артиллерийских, гвардейских минометных полков и т. п. Были также потрепанные остатки дивизий, избежавшие Вяземской катастрофы, которые находились в запасе и были поставлены на переформирование, их планировалось привлечь в самом крайнем случае.

Задачей Г. К. Жукова было предотвратить прорыв немцев к Москве, любой ценой, и он отнесся к этому крайне серьезно. Вполне допускались отводы войск на новый рубеж обороны при условии, что они будут организованными и скоординированными, чтобы между столицей и немцами оставались организованные войска. Однако неорганизованные отступления или потеря управления войсками со стороны командиров могли привести к катастрофе, и очень быстро, поэтому Жуков издал много приказов, от которых холодеет кровь, с угрозами в адрес командиров, которые это могли бы допустить [2, с. 69; 5, с. 27, 43 (39); 9, с. 243-244; 17, с. 185]. Тщательное изучение боев под Москвой показывает, что в большинстве случаев эти угрозы не приводились в действие. Очень мало командиров среди тех, кто отступил без приказа или потерял управление войсками в данный период, были отстранены, еще меньше — расстреляны, хотя они, безусловно, подвергались оскорблениям. Некоторые из тех, кто были переданы в военные трибуналы и приговорены к расстрелу, впоследствии оказывались дожившими до конца войны. В единичных случаях таких командиров даже восстанавливали в должности и позже, в ходе войны, награждали орденами и медалями [53, с. 381-382].

Однако ситуация на фронте в конце октября 1941 г. и исход войны в целом висели на волоске. Позже, когда в середине ноября немцы возобновят движение, под Москвой будут лежать в маскхалатах три резервные армии, а еще семь армий будут формироваться по всему фронту, и даже прорыв фронта уже не будет фатальным. Но в последние 11 дней октября этих армий еще не было, и исход был под вопросом. Если бы фронт был прорван, Москва могла бы пасть, а победа, которой так жаждал Гитлер, могла бы стать достижимой.

Г. К. Жуков был осторожным человеком, не подверженным авантюрам, однако он был также искусным игроком в военный покер. И хотя его фронт дрогнул на краю пропасти, он знал, что его противник уже на пределе. У Г. К. Жукова было в резерве для пяти его армий в общей сложности не более дивизии, но в каждом случае он приказывал, чтобы эти свежие силы использовались для контрударов по растянутым и измотанным передовым частям немцев. Он не ставил перед собой грандиозных задач по разгрому врага. Вместо этого он стремился задержать, измотать и деморализовать своего противника, нанося ему болезненные тактические поражения. Это была отвага, а также уверенность. Частично

¹ И советская, и немецкая армии организовывали пополнение в виде маршевых батальонов или маршевых рот под командованием офицеров или сержантов, прежде чем отправить их на фронт. Их отправляли либо в отдельные части, либо в распоряжение командующего армией для последующего распределения в части. Маршевый батальон обычно состоял из 800-1 000 человек, маршевая рота — 150-200 человек.

уверенность в своих собственных способностях, частично — знание, что подкрепление будет продолжать прибывать, и рано или поздно немцы будут вымотаны до такой степени, что не смогут продолжать наступление. Он вырос в деревне к западу от Москвы и хорошо знал местность, которую обороняет. Это был его дом. Русская пословица гласит: «Дома и стены помогают». Ему отчаянно нужно было выиграть время. Он знал, что время работает на него, каждый день, когда немцам не удавалось взять Москву, давал возможность построить укрепления, изготовить оружие, обучить солдат, и с каждым днем приближалась зима. Но он также знал, что за это время надо платить. Кровью. Он знал, что не имеет права на ошибку, что кровь не должна быть пролита напрасно, и лишних бойцов у него не было. Это был вопрос выживания.

У Г. К. Жукова было одно огромное преимущество над противником. У него было мало иллюзий: он знал, что он в отчаянном положении, и основывал свои решения на холодных и бескомпромиссных фактах, а не на высокомерных соображениях расового, культурного или технологического превосходства. Его противник, несмотря на то, что ни лето, ни осень с их блестящими оперативными триумфами не принесли ему победы, которой он ожидал с начала июля, продолжал верить, что нужен «всего один рывок», а Красная Армия, наконец, не сможет больше пополняться новыми силами и получать новое оружие. Он считал, что война почти окончена. Г. К. Жуков не страдал такими иллюзиями.

Теперь мы рассмотрим битву за Наро-Фоминск, во-первых, потому что в англоязычной литературе еще никто этого не делал, а во-вторых, потому что она отражает ход второго этапа операции «Тайфун». Она также наглядно показывает как микрокосм многие аспекты всей Битвы за Москву в октябре 1941 г.: немецкое наступление и преследование советских войск, которое неожиданно для наступающих оборачивается сопротивлением, жестокие оборонительные бои за города и села и превращение фронта к концу месяца в войну на измор. Таким образом, вы можете посмотреть на эту битву в свете мудрых слов Лорда Бакли¹: «Когда ты берешься за дело и не можешь с ним справиться, ну так тебе и надо, черт возьми!»

Наро-Фоминск, 20 октября 1941 г.

Утро того понедельника началось с проливного дождя [55, 57]². Температура была +4 °С, самая высокая с 6 октября, и так «тепло» уже не будет до весны [58]³. Дождевые облака не давали даже думать об авианалетах и о разведке

¹ Лорд Ричард Бакли (Ричард Майкл Бакли) (1906-1960) — американский актер-эксцентрик и культовый хипстерский поэт-комик.

² В обоих источниках записи от 20 октября 1941 г.

³ В журнале боевых действий 6-й танковой дивизии, единственной среди дивизий и корпусов вермахта, велся практически ежедневный учет температуры воздуха. Начиная с +10 °С 2 октября, опускаясь до 0 °С с 10 по 15 октября, затем температура держалась около 0 °С, пока не упала до -9 °С 12 ноября. К 5 декабря она упала до -40 °С, и мороз оказался гораздо сильнее, чем надеялись немцы.

с воздуха, что объясняет тот факт, что немцы и понятия не имели о прибытии 1-й Гвардейской мотострелковой дивизии в Наро-Фоминск.

Немецкий LVII моторизованный корпус несколько колебался по поводу удара по Наро-Фоминску. За неделю жестоких боев генерал танковых войск Кунцен получил некоторое представление о том, что его силы слишком растянуты. Кроме того, к западу от Наро-Фоминска были укрепления, которые он предпочел бы по возможности обойти. Командир 3-й моторизованной пехотной дивизии генерал Ян Курт должен был обеспечивать атаку двух передовых полков 258-й дивизии — 478-го и 479-го — и 8-го пехотного моторизованного полка своей собственной дивизии. Они должны были наступать на восток по направлению к реке Нара, затем повернуть налево и ударить по Наро-Фоминску с юга [57]¹.

258-я пехотная дивизия выдвинула свой разведывательный батальон на дальний левый фланг, в район Смоленского. Это было место между 222-й стрелковой дивизией и остальной частью 33-й Армии. Однако разведывательный батальон оказался более чем в 10 км к северо-западу от ближайших частей своей дивизии. Пока они прикрывали открытый фланг дивизии, у них не было возможности производить разведку впереди своей дивизии [61]². Это было весьма типично для немецких разведывательных батальонов на Восточном фронте. Большинство донесений о разведке фактически было составлено разведывательными взводами отдельных пехотных или моторизованных полков (*schutzen*), а не разведывательными подразделениями дивизии.

Два полка 258-й пехотной дивизии вышли на позиции, определенные в нескольких километрах к востоку от Боровска: 478-й полк — слева, на севере, а 479-й — справа, на юге. 458-й пехотный полк проходил через Боровск, он следует за левым флангом дивизии, когда тот нанесет удар на севере. В это время 8-й пехотный моторизованный полк будет продвигаться на север из района Балабаново к правому флангу 258-й пехотной дивизии, возможно, с поддержкой пяти самоходных артиллерийских установок из 191-го дивизиона штурмовых орудий. Несмотря на тот факт, что этот полк был моторизованным, он был менее мобильным, чем пехота. Дождь, который начался днем ранее, сделал грязные дороги практически непроходимыми для колесного транспорта; кроме того, у них было очень мало горючего [61]³.

33-я Армия развернула 222-ю стрелковую дивизию на правом фланге. Ей было предписано блокировать дорогу из Вереи в Дорохово и поддерживать 151-ю мотострелковую бригаду. В то же самое время дивизия должна была также обеспечивать связь с остальной частью 33-й Армии, однако ей не удалось этого сделать, поскольку она в основном была сосредоточена на том, чтобы

¹ Запись от 07:30 часов 20 октября 1941 г. Фактически, как только началась атака, общее командование боем перешло к полковнику фон Арниму, командиру 258-й пехотной дивизии.

² Запись от 20 октября 1941 г.

³ Запись от 07:10 часов и 14:30 часов 20 октября 1941 г. о положении соседней 3-й пехотной моторизованной дивизии.

не допустить вклинивания немцев между ней и остальной частью армии. У основной силы 33-й Армии, 110-й стрелковой дивизии полковника С. Т. Гладышева, день начался с того, что они увидели перед собой 258-ю пехотную дивизию на северном рубеже к востоку от Боровска, к западу от Татарки на севере почти до Ермолино на юге. Северный край этого рубежа удерживался 1287-м стрелковым полком. Данный полк догнал дивизию несколько дней назад, принял участие в нескольких тяжелых боях и понес серьезные потери. К югу от него были 1289-й и 1291-й стрелковые полки. Слева от них стояла 113-я стрелковая дивизия фронтом на юго-запад и юг в районе Балабаново [30, л. 51 (46)-52 (47); 38; 41]¹.

В конце дня 20 октября в Журнале боевых действий 33-й Армии было зафиксировано, что подразделения 110-й стрелковой дивизии остались на тех же позициях, что и 19 октября, в частности «1287 сп занимают оборону ТАТАРКА выс. 191.2 1289 сп — иск. Выс. 191.2 иск. ИНЮТИНО. 1291 сп ИНЮТИНО, ЕРМОЛИНО; <...> КП — ДОБРИНО» [30, л. 51 (46)-52 (47)], со 113-й стрелковой дивизией не было связи, связной из 110-й стрелковой дивизии сообщил в штаб армии, что 113-я стрелковая дивизия удерживает левый фланг, исключая Ермолино. Это была более-менее точная картина того, как армия начала то утро. Дальнейшее донесение содержит краткую запись о том, что 110-я стрелковая дивизия выбила немцев из небольшой деревни. Однако всё это не соответствовало действительности. В полдень армия сообщила Западному фронту, что она удерживает свою полосу обороны. Это также не соответствовало действительности, хотя у Западного фронта откуда-то появилась смутное подозрение, что что-то не так со 110-й стрелковой дивизией, поскольку «части дивизии приводятся в порядок на рубеже зап. СЛИЗНЕВО, КАМЕНСКОЕ» [24, л. 103 (102)]. Иными словами, на западном берегу реки Нары. Это был, по меньшей мере, намек, что дивизия отступает.

Проблема в том, что сразу после начала наступления немцев, примерно в 07:00 часов, 33-я Армия быстро потеряла представление о том, что происходит. С одной стороны, записи свидетельствуют о том, что коммуникация осуществлялась только офицерами связи — ни радио, ни телефона. С другой стороны, донесение было подписано помощником начальника штаба армии полковником Б. М. Сафоновым и начальником оперативного отдела полковником М. Л. Олехвером. Это ясно указывает на то, что ни начальника штаба, ни комиссара «не было на месте». Они все были на поле боя, что означало, что пока они видели ясную

¹ Все советские воинские объединения, соединения и части вели журналы боевых действий. Каждый журнал включал в себя описание боевых действий день за днем, часть за частью в течение месяца (или нескольких месяцев для соединений меньше, чем корпус или армия). Оперативные сводки, в которых подводились итоги боевых действий, составлялись обычно один или два раза в день. Боевые донесения составлялись по мере необходимости и носили, как правило, срочный характер. Приказы отдавались по мере необходимости, донесения о численности личного состава — один или два раза в месяц, хотя официально предполагалось, чтобы они подавались подекадно.

картину происходящего там, где находились, обстановка в других частях армии оставалась для них загадкой [24, л. 107 (106)]¹.

Правда всплывает в записях 33-й Армии только спустя четыре дня, 24 октября. С 33-й Армией случилось следующее: вскоре после начала атаки немцев 1289-й стрелковый полк разбежался. От точки, где отдельные части дивизии приводились в порядок, можно реконструировать события. Основной удар немцы нанесли в центре полосы обороны 110-й стрелковой дивизии, и большинство бойцов 1289-го стрелкового полка просто побежали [37].

Штаб 33-й Армии перестал получать информацию о том, что происходит на фронте. Это подтверждается записью в Журнале боевых действий 33-й Армии о том, что в 15:20 (около двух часов до захода солнца) поступило донесение от батальонного комиссара Я. С. Карташева из 486-го гаубичного артиллерийского полка, приданного 110-й стрелковой дивизии, о том, что в 09:00 часов противник перешел в наступление на фронте 110-й стрелковой дивизии. Это *единственное* упоминание о данном наступлении в Журнале боевых действий 33-й Армии. Есть хорошее объяснение запоздалого характера данного донесения — и 486-й гаубичный артиллерийский полк, и 557-й артиллерийский полк были приданы 110-й стрелковой дивизии; оба полка переправились на другой берег Нары, не понеся существенных потерь. Учитывая скорость, с которой был разбит 1289-й стрелковый полк, артиллеристы, по-видимому, быстро подхватили свои орудия и отступили, не затрудняя себя отправкой донесений, пока не оказались в безопасном месте, на восточном берегу Нары. Свои тяжелые орудия они, скорее всего, переправили по *каменному* мосту [39]².

Собственная артиллерия 110-й стрелковой дивизии, 971-й артиллерийский полк, оказалась перед лицом угрозы с фланга и опасности окружения. Получив приказ своего командира отойти назад через Нару, полк наткнулся на немецкие части, пытающиеся отрезать их с юга. Полк вывел из боя следующие орудия: пятнадцать 76 мм пушек, из них одна повреждена, одна подорвана после повреждения, 3-я батарея 122 мм гаубиц — состояние и местоположение по состоянию на 20 октября неизвестно, материальная часть 6-й батареи (122 мм гаубицы) оставлена на переправе вследствие отсутствия тяги. Командир полка майор Иван Николаевич Танаев погиб на переправе, погиб также воентехник полка, еще четыре человека были ранены [39]. В Оперативной сводке штаба артиллерии 33-й Армии от 20 октября 1941 г. не указано, в каком месте полк переправился через Нару, однако в донесении о безвозвратных потерях местом гибели и захоронения майора И. Н. Танаева указано с. Иклинское [19, л. 143].

¹ Запись по поводу 33-й Армии от 21 октября 1941 г. В частности, указано, что генерал Ефремов выехал на берег реки Нары, чтобы восстановить порядок в 110-й стрелковой дивизии. Кажется более правдоподобным, что эта запись сделана на следующий день после описываемых событий, и генерал Ефремов был там 20 октября в конце дня.

² Эта сводка, составленная в 20:00 следующего дня после прорыва обороны, указывает на то, что оба полка переправились через Нару и поддерживали части в Наро-Фоминске и вокруг него.

Можно предположить, что полку удалось пробиться к берегу реки, где оказалось, что переправа, которую они собирались использовать (возможно, в Слизнево), разрушена, и они направились вверх по течению и переправились, скорее всего, в самом Наро-Фоминске по *каменному* мосту. Есть косвенные данные, что 971-й артполк отступал через Наро-Фоминск. По состоянию на конец октября полк насчитывал четырнадцать 76 мм пушек и восемь 122 мм гаубиц [29]. Также упоминается, что они «заняли позиции для открытия огня» в районе Шаламово (Шеломово), что однозначно предполагает, что им было из чего открывать огонь. Маловероятно, что пушки и гаубицы они переправили через реку на плотках или паромов, скорее всего, что они отступали через мост в центре города.

В сборнике документов «Ополчение на защите Москвы», изданном в 1978 г., в комментариях к фрагментам «Журнала боевых действий 110-й стрелковой дивизии» указано, что командир 971-го артиллерийского полка капитан Василий Андреевич Сажин (по-видимому, назначенный после гибели майора И. Н. Танаева) и комиссар полка батальонный комиссар Андрей Андреевич Деда были награждены Орденом Красной Звезды за этот маневр [15, с. 217]¹. Это не совсем так. Они действительно были награждены Орденом Красной Звезды, но не за октябрьские, а за декабрьские бои [21, л. 184, 262]². Представляется вероятным, что они были представлены к награждению в октябре, но тогда это ходатайство не было удовлетворено. Награждают чаще всего после побед, а не поражений. Тем не менее представления к награждению за независимые решения противоречат популярному убеждению западных историков о том, что в Красной Армии инициатива командиров низшего звена наказывалась, а не поощрялась.

В более позднем донесении 33-й Армии сообщается:

«отгеснив части 110 сд, пр[отивни]к занял к 12.00 ИЛЫНО, МИШУКОВО, КОЗЕЛЬСКОЕ. Части 110-й сд отходят для обороны на новый рубеж. Пехотные части отходя бросили материальную часть арт[иллерии], которая выводится из боя артиллеристами. В 15.35 противник занял МИШУКОВО, ТАТАРКА» [30, л. 53 (48)].

В действительности ситуация была одновременно и лучше, и хуже описанной. Некоторые стрелки и артиллеристы беспорядочно бежали, но фактически

¹ Возможно, составители сборника не имели доступа к наградным листам, где указаны даты подвигов капитана В. А. Сажина и батальонного комиссара А. А. Деда. Сам документ, фрагменты которого опубликованы в данном издании, в источнике называется «Журнал боевых действий 4-й Куйбышевской дивизии ополченцев» [43]. Данная дивизия была сформирована в Куйбышевском районе г. Москвы в начале июля 1941 г. В рукописном журнале боевых действий имеются записи за период с 12 июля по 9 сентября 1941 г., затем перерыв, затем записи за период с 20 по 25 октября 1941 г., т. е. когда дивизия уже называлась 110-й стрелковой дивизией и входила в состав регулярных частей Красной Армии.

² Полковник В. А. Сажин погиб в бою в сентябре 1943 г. в Смоленской области.

большинство бойцов артиллерийского полка отступили организованно и не бросили свои орудия. Но в то же время всё было весьма плохо. 1289-й стрелковый полк распался: четыре дня спустя было установлено, что 240 человек из этого полка собрались в районе Шаламово (Шеломово)¹, в 8 км к северо-востоку от Наро-Фоминска, под командованием майора Николая Александровича Беззубова (более подробно о них будет рассказано далее) [37].

Когда центр дивизии дрогнул, 1287-й стрелковый полк майора Я. Б. Присяжнюка, будучи на северном фланге рубежа обороны дивизии, отступил на северо-восток и, возможно, вместе с артиллеристами переправился по *каменному* мосту в Наро-Фоминске. Они поступили в распоряжение начальника гарнизона и встали в оборону переправы через реку вместе с городским истребительным батальоном [11, с. 25; 30, л. 54 (49)]². На следующий день полк отправили маршем в район Таширово под командование 1-й Гвардейской мотострелковой дивизии, и они сражались там, вне своей собственной дивизии [11, с. 24]. Численность личного состава отряда майора Я. Б. Присяжнюка неизвестна, возможно, вместе с ним отступали по *каменному* мосту и вышли на север около 300 человек. Другая часть данного полка в количестве 220 человек оказалась в районе Шаламово (Шеломово) к 24 октября [37].

Самая необычная судьба выпала 1291-му стрелковому полку. Их на позициях южного фланга дивизии только немного задело немецкое наступление. Очевидно, после того, как командир полка увидел на своем фланге рассеивание 1289-го полка, он организовал отход. По всей видимости, его полк перешел Нару у Каменского, первого моста вниз по течению от Наро-Фоминска. А затем они направились в Подольск! За три дня они прошли 55 км по проселочным дорогам через леса, пока их наконец не остановили в Красной Пахре, на дороге Рославль — Подольск, в 18 км от самого Подольска. Однако это не было паническим бегством, когда бросают оружие. Личный состав полка насчитывал 691 человека, вооруженных одиннадцатью 82 мм минометами, тремя 120 мм минометами, одной 45 мм пушкой и двумя 76 мм пушками, когда они наконец наткнулись на заградительный отряд или пост НКВД на дороге. Это значит, что полк отступал как управляемая воинская часть. Нет сведений о том, что командир полка был отстранен, арестован, осужден или расстрелян. Кажется вероятным, что командование оценило, что он сохранил большую часть своих сил и после потери связи с командиром дивизии стал искать пути отхода к базе снабжения. Майор Степан Петрович Дедов продолжал командовать полком в декабре. Еще 70 человек из данного полка оказались в районе Шаламово (Шеломово) [37].

¹ Деревня Шаламово, 8 км северо-восточнее г. Наро-Фоминска, обозначена на картах 1941 г. Сейчас это район г. Наро-Фоминска под названием Шеломово. В документах 110 сд встречаются оба названия применительно к данному населенному пункту. Поэтому в дальнейшем будут указываться оба названия.

² Предполагалось, что истребительный батальон, состоящий из сотрудников городской милиции, был вооружен противотанковым оружием в виде бутылок с зажигательной смесью и взрывчатки.

Прикрывая отход некоторых подразделений своей пехоты, и сам штаб дивизии отступил с боями к реке Наре, которую они перешли у Каменского, в 13 км юго-восточнее Наро-Фоминска. С командиром дивизии было 280 человек: часть саперного батальона, часть батальона связи и комендантский взвод. Они попытались организовать оборону на берегу реки [37].

В 12:30 немецкий 478-й полк рапортовал, что «ввиду сильного сопротивления противника [полк] не может продвигаться дальше» [61]¹. Это ясное доказательство того, что 1289-й стрелковый полк не «бросил свою материальную часть», а отступал вполне организованно от деревни к деревне, оказывая ожесточенное сопротивление по мере отхода. Части 110-й стрелковой дивизии, которые удерживали высоту, покрытую лесом, позади прорыва 478-го пехотного полка, оказались окружены 479-м пехотным полком, наступавшим за правым флангом 478-го полка. Батальон под командованием капитана Ивана Фёдоровича Хохлова из 1291-го стрелкового полка десять дней вел бой в лесах, в тылу у немцев, как организованная боевая единица и вынес своих раненых и убитых. Капитан (впоследствии — подполковник) И. Ф. Хохлов был награжден Орденом Красного Знамени [21, л. 69]².

Еще дальше на юго-восток жаловался на трудности 8-й полк немецкой 3-й моторизованной пехотной дивизии. Их не столько задерживала советская 113-я стрелковая дивизия, сколько состояние дорог, а точнее — их отсутствие. В конце этого дня они захватили Шилово, 14 км восточнее Боровска, и соорудили плацдарм у реки Истья, но не могли двигаться дальше. Проблема была в том, что в результате проливных дождей, которые шли двое суток, дороги стали непроходимыми для грузовых автомашин, особенно для тех трофейных гражданских грузовиков из Франции, которыми была укомплектована дивизия. Однако в отличие от пехотных дивизий, имевших ручные тележки и конские повозки, в моторизованной пехотной дивизии такого транспорта не было. Если грузовики не могли двигаться, то это значит, что не было способа транспортировать что-то тяжелее ручного пулемета. Минометы, пехотные пушки, станковые пулеметы и боеприпасы ко всему этому остались бы позади, если бы дивизия решила спешиться и попытаться идти вперед по грязи [49, с. 134-135].

Из глубины левого фланга 258-й пехотной дивизии пришло сообщение, что в 09:15 разведывательный батальон захватил Смолинское и более 100 пленных. Позже в тот же день в 16:00 советские войска сообщили о контратаке от Назарьево, с северо-запада. Это была 222-я стрелковая дивизия, которая пыталась вырваться из того, что они считали попыткой немецкого окружения. И разведывательные, и противотанковые батальоны (последние даже ближе к тылу) доносили, что передовые части 292-й пехотной дивизии достигли Дубровы, 18 км западнее Боровска [61]³.

¹ Запись от 12:30 часов 20 октября 1941 г.

² Подполковник И. Ф. Хохлов пропал без вести 02 декабря 1941 г. в Московской области.

³ Запись от 16:55-17:00 часов 20 октября 1941 г.

Несмотря на упорное сопротивление, оказанное 1287-м стрелковым полком, отошедшим к Наро-Фоминску, ближе к заходу солнца немцы сообщили, что 3-й батальон 479-го полка почти достиг южной окраины Наро-Фоминска [61]¹. Это не соответствовало действительности, однако 1-й дивизион 258-го артиллерийского полка сообщил, что ему удалось выдвинуть вперед одну батарею на расстояние, достаточное для ведения артиллерийских обстрелов города. Были сообщения о том, что город прочно удерживается. Дивизия, всё еще под временным командованием полковника фон Арнима, доложила LVII корпусу Кунцена, что на следующий день она будет атаковать Наро-Фоминск с севера и с запада, как только 458-й пехотный полк займет свои позиции. Они запросили авианалет, чтобы подавить тяжелые советские артиллерийские орудия (которые они неправильно идентифицировали как орудия на железнодорожной платформе), беспокоящие их, а также запросили тяжелую зенитную батарею (88 мм) и авиаразведку для артиллерии. Дивизия также сообщала, что 479-й и 478-й полки находятся на рубеже фронтом к северу примерно в 9 км к югу от Наро-Фоминска. Передовые части 1-го батальона 458-го полка наткнулись на сопротивление в Чешково, в 5 км к западу от Наро-Фоминска, в то время как остальная часть полка находилась в 18 км к югу, в Митяево. Ожидалось, что этот полк переправится через Нару при поддержке 1-го батальона 258-го артиллерийского полка и оборудует плацдарм в районе Турейки, откуда по восточному берегу Нары выдвинется на юг, на Наро-Фоминск.

Генерал-лейтенант М. Г. Ефремов был полководцем, который «смотрел вперед», и он отправился на берег реки, чтобы увидеть своими глазами, что случилось с его армией. Когда до него дошел весь масштаб катастрофы, он отдал командиру 110-й стрелковой дивизии следующий (несколько истеричный) приказ:

- «1. ВЫ ВРАГУ ОТКРЫЛИ ПУТЬ НА НАРО-ФОМИНСК, бежав на новый рубеж, испугавшись самих себя.
2. Военсовет дает вам срок восстановить до утра прежнее положение, пока пр[отивни]к не разобрался в темноте в вашем бегстве.
3. Если положение вами не будет к 7-8 часам 21.10 восстановлено, будете немедленно преданы суду как дезертиры, организаторы бегства с поля сражения за невыполнение боевого приказа» [30, л. 53 (48)].

Однако посмотрим на пункт 2: «восстановить до утра прежнее положение, пока пр[отивни]к не разобрался в темноте в вашем бегстве». Что с этим можно было сделать? Пункт 3: всё ясно, если вы не сможете с 280 бойцами под своим командованием отбросить врага, который разбил сегодня вашу дивизию, вы будете расстреляны. Однако полковника С. Т. Гладышева, у которого не было ни малейшего шанса выполнить этот приказ и который, очевидно, потерял управление своими войсками, отступившими без приказа, не расстреляли.

¹ Запись от 17:55 часов 20 октября 1941 г.

25 октября 1941 г. полковника С. Т. Гладышева отстранили от командования [41, л. 43 (22a)], однако он остался в Красной Армии, командовал 133-й стрелковой дивизией в 1942 г. и 277-й стрелковой дивизией с 1943 г. до конца войны. Это один из примеров душераздирающих угроз, содержащихся в приказах командиров Красной Армии на разных уровнях подчинения, где, кажется, содержится оговорка избавления от ответственности. Очевидно, что враг уже занял линию обороны, которую дивизии предписывалось отбить, и так же очевидно, что дивизия была не в состоянии это сделать. Тогда в чем смысл такой формы приказа?

Можно только строить догадки, однако при рассмотрении многочисленных инцидентов и приказов, подобных этому, результатом которых было не более чем словесное оскорбление, складывается впечатление, что такие угрозы писались не столько для того, чтобы запугать подчиненных, сколько для того, чтобы продемонстрировать вышестоящему командованию, и особенно — не дремлющему оку Верховного Главнокомандующего, что автор приказа не допустит поражения. Разумеется, частично мотивацией тона данного приказа было то, что сам М. Г. Ефремов «потерял управление своими войсками», которые однозначно «отступили без приказа». Когда генерал Г. К. Жуков вступил в командование Западным фронтом, он отдал приказ своим армиям. Внизу оригинала этого приказа имеется карандашная надпись, сделанная Г. К. Жуковым, о том, что отступление без приказа будет наказано расстрелом перед строем [2, с. 102]. И всё же... М. Г. Ефремов остался командующим 33-й Армией и, в конце концов, глубоко вклинился в немецкие позиции во время контрнаступления, начавшегося в первых числах декабря 1941 г. Позже той же зимой его армия, продвинувшаяся к югу от Минского шоссе и угрожавшая окружением Группе армий «Центр», сама оказалась окружена. В апреле 1942 г. во время безуспешной попытки прорвать окружение армия была разбита, а ее храбрый командующий, получив тяжелое ранение, застрелился, чтобы не попасть во вражеский плен [10¹].

Если уж на то пошло, в начале операции «Тайфун» и маршал С. М. Будённый, и генерал-полковник И. С. Конев потеряли управление своими войсками. Оба они были отстранены от командования, однако получили другие должности, и оба позже командовали *фронтами*. Генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский не удержал Волоколамск, несмотря на личные приказы Сталина удержать его любой ценой. Его войска под командованием генерал-майора И. В. Панфилова отступили без приказа. Однако ни К. К. Рокоссовский, ни И. В. Панфилов не были отстранены или расстреляны. Генерал-майор артиллерии Л. А. Говоров во главе 5-й Армии и его войска под командованием полковника В. И. Полосухина не удержали Можайск и временами отступали без приказа. Никто из них

¹ Эта книга содержит наиболее полное описание вклада М. Г. Ефремова и последующей гибели 33-й Армии в 1942 г., хотя, как следует из названия, в ней присутствует определенная политика.

не был отстранен, арестован или расстрелян. Даже майор С. П. Дедов, который отступил на 55 км без приказа, не был отстранен или расстрелян. Были командиры, которых расстреляли, например, командир отряда бойцов 133-й стрелковой дивизии на северном фланге Л. А. Говорова или командир 151-й мотострелковой бригады на его южном фланге. Оба командира храбро сражались, но потерпели поражение от превосходящих сил противника и были арестованы и расстреляны предположительно именно за это. Возможно, то же самое произошло и с командиром полка из 50-й стрелковой дивизии при оставлении Можайска и с командиром полка из 53-й стрелковой дивизии во время боев за Малоярославец. Однако такие случаи осуждения невиновных командиров представляются скорее исключениями, чем правилом.

113-я стрелковая дивизия была на грани краха еще даже до удара немцев в конце дня 20 октября. Днем ранее был назначен новый командир дивизии — полковник К. И. Миронов. Хотя в течение дня 20 октября предположительно дивизию не атаковали, после наступления темноты, примерно в 19:00, пошли донесения об атаках пехоты в сопровождении «бронемашин» и «отдельных танков» (самоходно-артиллерийских установок 191-го батальона *Sturmgeschütz*), которые рассеяли около двух рот 1290-го полка дивизии [26]¹. Поскольку в дивизии отсутствовали противотанковые средства и не было связи ни с соседней 110-й стрелковой дивизией, ни со штабом 33-й Армии, новый командир дивизии полковник К. И. Миронов приказал отойти к реке Истье, а затем к реке Наре [30, л. 53 (48)-56 (51)]². Хотя дивизия отступила без приказа армии, полковника К. И. Миронова не отстранили и не арестовали, а впоследствии наградили Орденом Красного Знамени [20, л. 95]³.

К вечеру всё выглядело как еще одно знакомое несчастье Красной Армии — 33-я Армия была разбита (рис. 1). На ее правом фланге 151-я мотострелковая бригада съжилась до 660 человек и горстки танков. Ее теснила по дороге Дорохово — Верея 7-я пехотная дивизия, а в это время в тылу справа у 222-й стрелковой дивизии в составе около 4 000 человек и почти без пушек оказался разведывательный батальон 258-й пехотной дивизии, а другие части этой немецкой дивизии пытались отрезать 222-ю стрелковую дивизию от командования армии. Как мы видели, 110-я стрелковая дивизия потеряла большую часть своего центрального полка, ее правый фланг беспорядочно отступил через Нару в Наро-Фоминске, а левый фланг исчез с поля боя, направляясь маршем через леса в неизвестном направлении. Всё, что осталось у полковника С. Т. Гладышева от его дивизии, было 280 человек из штаба, комендантского взвода, саперного

¹ В первом абзаце данного боевого донесения от 21 октября 1941 г. описываются боевые действия дивизии 20 октября. В последней строке донесения также упоминается, хотя и мимоходом, что «дивизия имеет задачу занять прежний рубеж» — задачу, которая была абсолютно невозможной и которую, очевидно, даже не пытались решить.

² Фактически только 22 октября 1941 г. 33-я Армия получила точные данные, где находится 113-я стрелковая дивизия.

³ Полковник К. И. Миронов погиб в бою 15 апреля 1942 г. в Смоленской области.

батальона и батальона связи. Они находились на восточном берегу Нары в районе Каменское — Слизнево. У них не было связи ни с какими другими частями дивизии. Где-то к югу от них были остатки 113-й стрелковой дивизии также без связи с кем бы то ни было. Еще дальше на юг на 43-ю Армию наступала 19-я танковая дивизия и две пехотных дивизии. Связи со всеми ними у М. Г. Ефремова не было [24, л. 107 (106)-108 (107); 30, л. 54 (48)-55 (49)].

Но в этом темном царстве все же был луч света. После захода солнца в Наро-Фоминск с северо-востока начали прибывать автомашины 175-го мотострелкового полка 1-й Гвардейской Московской Пролетарской стрелковой дивизии полковника А. И. Лизюкова. С ними прибыл и сам полковник А. И. Лизюков, который организовал свой штаб в Ново-Фёдоровке, рядом со штабом 33-й Армии. К сожалению, на момент его прибытия у штаба армии не было внятной информации о положении на фронте. Ему сказали, что враг находится на дальних подступах к Наро-Фоминску, и он должен собрать свою дивизию и выдвинуться на юго-запад, чтобы остановить врага и подготовиться к атаке для освобождения Боровска. Подполковник П. В. Новиков, командир 175-го мотострелкового полка, при поддержке дивизиона 13-го артиллерийского полка

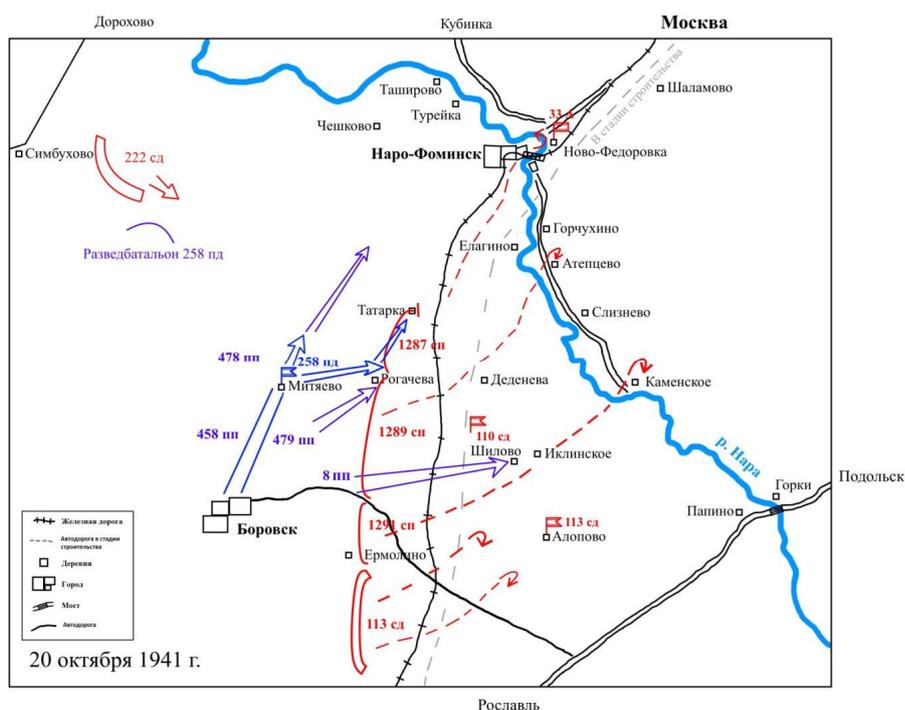

Рис. 1. Боевые действия в районе Наро-Фоминска 20 октября 1941 г.¹

Fig. 1. Combat activities near Narо-Fominsk on 20 October 1941

¹ Авторы выражают признательность Ксении Владимировне Ахатовой и Юрию Темировичу Юшинскому за помощь в подготовке схемы.

возглавил передовой отряд дивизии. К полуночи они заняли оборону на западных и южных границах Наро-Фоминска на западном берегу Нары. Оттуда они послали разведывательные группы на юг. Разведчики обнаружили, что половина 600-го противотанкового полка — две батареи с четырьмя 45 мм противотанковыми орудиями каждая и полбатареи с двумя пушками — обороняют Таширово, они развернуты на юго-западной границе города, а их семь 85 мм пушек находятся на восточном берегу реки. 989-й противотанковый полк с восемью 37 мм и восемью 85 мм пушками также занял оборону города. Позади отряда подполковника П. В. Новикова остальные части дивизии либо прибывали эшелонами на станции Апрелевка и Алабино, либо на автомашинах направлялись в Наро-Фоминск. И опять: советское командование бросало еще одну дивизию туда, где пропадали другие [24, л. 103 (102)-104 (103); 30, л. 52 (47); 36, л. 37].

Драматический хронометраж, совсем как в кинофильме, действий дивизии полковника А. И. Лизюкова, этой спасительной подмоги, подчеркивает фундаментальную истину Битвы за Москву. Любая задержка немецкого наступления, гибель людей, окруженных под Вязьмой и Брянском, этих горсток плохо вооруженных и плохо подготовленных войск, которые недолго держались, — это была плата кровью за то, в чем отчаянно нуждалась Красная Армия. Время.

21 октября 1941 г.

До прибытия дивизии полковника А. И. Лизюкова генерал-лейтенант М. Г. Ефремов, возможно, считал, что его армия стоит на краю пропасти и Наро-Фоминск вот-вот будет захвачен немцами. Однако по другую сторону фронта считали иначе. По мнению LVII корпуса и 258-й пехотной дивизии, противник имел численное превосходство, а их собственный личный состав был измотан. После прибытия 1-й Гвардейской мотострелковой дивизии у М. Г. Ефремова действительно появилось численное превосходство, хотя немцы могли только догадываться об этом. Прибытия данной дивизии они не заметили [57]¹.

Генерал Кунцен отправил поздравительное сообщение 258-й пехотной дивизии. Оно гласило: «Хорошо. Кунцен». Дивизия скромно отметила, что это сообщение является признанием их «легендарного успеха» [61]². Возможно, командующему корпусом удалось умерить свой пыл, потому что у него на автодороге Рославль — Подольск дела шли не очень хорошо. Там 19-я танковая дивизия оказалась в сложном положении, столкнувшись с ожесточенным сопротивлением советской пехоты и танков в лесах юго-западнее реки Истья (в 10 км к юго-западу от места, где автодорога Рославль — Подольск пересекает Нару в районе Горок). Фактически к концу дня 19-й танковой дивизии пришлось отступить на 2,5 км, а поскольку ее полки *schutzen* были очень ослаблены

¹ Записи от 08:00-12:00 часов 21 октября 1941 г., в которых 19-я танковая дивизия общается, что она должна отбить контратаки противника, а 258-я пехотная дивизия докладывает, что перед ними находятся «превосходящие силы противника».

² Запись от 21 октября 1941 г., время: «сразу после полуночи».

в боях на предыдущей неделе, 20-й танковой дивизии было приказано отправить на усиление 19-й дивизии ее единственный полк *schutzen* [57]¹.

Тем временем, 258-я пехотная дивизия нервно ожидала, как она будет пробиваться с боями через промышленный город и преодолевать предполагаемые оборонительные сооружения противника. Требовалось время, чтобы выдвинуть вперед артиллерию и подтянуть отставшую пехоту, в частности 458-й полк, а также противотанковый дивизион. За предыдущие две недели потери дивизии составили более 600 человек, а сама она находилась в конце очень скудной схемы снабжения. Тем не менее ей было приказано возобновить наступление следующим утром в 09:00 [61]². Погода была пасмурной, иногда шел дождь, однако полеты авиации допускались.

У М. Г. Ефремова большинство новостей были плохими или их вообще не было. 151-я мотострелковая бригада дралась с передовым отрядом 7-й пехотной дивизии у Симбухово, но связи со штабом армии у них не было. Предпринимались попытки связаться с ними через 222-ю стрелковую дивизию [24, л. 107 (106)]. В свою очередь, эта дивизия сообщала, что ее атакует от Смоленского «более батальона» противника. Однако в Смоленском был только разведывательный батальон, в составе которого было только две роты «пехоты», один солдат на велосипеде, и еще один верхом на лошади. И этот батальон обозначил себя атакой с северо-запада в 15:05 [61]³. Это более точно, т. к. 222-я стрелковая дивизия докладывала, что в этот момент она удерживает северную границу Смоленского. Этот бой, скорее всего, представлял собой длительную перестрелку, в результате которой ни одна из сторон не предприняла серьезных попыток продвинуться дальше.

Фон Габленц, командир 7-й пехотной дивизии, войска которого, как ожидалось, должны были сменить разведывательный батальон, доложил, что хотя он и получил такую просьбу, но выполнить ее не может, потому что его дивизию удерживает «сильный» противник у «Иссни» (*Issnja*)⁴. Определение «сильный» по отношению к остаткам 151-й мотострелковой бригады звучит щедро. На самом деле устремления фон Габленца были направлены на северо-восток, на Дорохово, а не на восток, на Смоленское. В записях своего журнала боевых действий фон Габленц показал себя заносчивым человеком, который относился к другим дивизиям как к конкурентам, а к своему командованию — как к досадной помехе [59]⁵.

У М. Г. Ефремова не было связи с правым флангом, а между ним и штабом армии стоял враг; впрочем, ситуация в центре и по левому флангу была не лучше. Он отдал приказ 110-й стрелковой дивизии занять исходные позиции

¹ Записи от 15:30-18:00 часов и 18:00 часов 21 октября 1941 г.

² Запись от 21:10 часов 21 октября 1941 г.

³ Запись от 15:05 часов 21 октября 1941 г.

⁴ Вероятно, имеется в виду река Исма, на которой стоит Симбухово.

⁵ См. комментарии по поводу приказов корпуса с 14 по 24 октября 1941 г., получаемых каждый вечер.

предыдущего дня. Имея только 280 человек под своим командованием, полковник С. Т. Гладышев сохранил достаточно здравого смысла, чтобы даже не пытаться сделать это. Однако 33-я Армия докладывала, что эта дивизия удерживает восточный берег Нары от Слизнево до Каменского. На самом деле они удерживали только позиции у Каменского. Как мы уже видели, 1287-й стрелковый полк данной дивизии удерживал восточный берег реки Нары в Наро-Фоминске под командованием начальника гарнизона. В течение дня штаб 33-й Армии приказал полку выйти маршем на север, чтобы прикрыть берег Нары в районе Таширово — Турейка под командованием 1-й Гвардейской мотострелковой дивизии. 1289-й стрелковый полк был большей частью разбит и рассеян, а большинство выживших бойцов из 1291-го полка убежали по лесам на восток от Нары, очевидно направляясь в Подольск. Сохранившаяся артиллерия дивизии собиралась к северо-востоку от Наро-Фоминска. Что касается 113-й стрелковой дивизии, ее штаб утверждал, что дивизия удерживает позиции к западу от Алопово, на реке Истье [26]. Это была неправда: большая часть бойцов дивизии уже переправились через Нару и не имели связи с 33-й Армией.

Но не всё было потеряно. Армия генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова получала пополнение, иногда с востока, а иногда и с запада. Когда немецкий 458-й пехотный полк прокладывал свой путь на север, он доложил в 10:00, что деревня Чешково занята противником, а также (неточно) что в лесах к северу — танки и пехота [62, с. 137]. Чешково расположено в 11 км к востоку-северо-востоку от Смоленского и около 6 км к западу-северо-западу от Наро-Фоминска. В советских документах не удалось найти упоминаний о каких-либо войсках в данном районе, однако в порядке гипотезы можно предположить, что это были около 150 человек из 1283-го стрелкового полка 60-й стрелковой дивизии (до 26 сентября 1941 г. — 1-я стрелковая дивизия народного ополчения г. Москвы) [11, с. 53-54]. Эти бойцы вышли из Вяземского котла под командованием майора Н. А. Беззубова. Бесстрашный воин майор Н. А. Беззубов сыграет существенную роль в предстоящей битве: его наградят медалью за героизм, а в начале декабря он возглавит 110-ю стрелковую дивизию.

Отряд майора Н. А. Беззубова прокладывал себе путь в боях, выходя из окружения, где погибла их 60-я стрелковая дивизия, еще одна дивизия народного ополчения. В его отряде была небольшая группа из разбитого 1289-го стрелкового полка, которую Н. А. Беззубов взял под свое командование [45, л. 2]. Когда 33-я Армия узнала про данный отряд, он получил приказ занять оборону по рубежу Кузьминки — Татарка — Рождество (семикилометровый рубеж с востока на запад в 10 км южнее Наро-Фоминска). Это приблизительно та линия, до которой дошли немцы предыдущим вечером. И снова, как и с приказами, отданными 110-й стрелковой дивизии, это была бессмысленная задача, впрочем, нет никаких свидетельств, что майор Н. А. Беззубов обратил на нее какое-то внимание [30, л. 54 (49)].

К тому времени ситуация выше по течению Нары между Таширово и Турейкой становилась критической. После столкновения в Чешково 458-й пехотный

полк направился на север, а Н. А. Беззубов ушел на восток, переправившись через реку у Турейки. Советские танки, о которых сообщалось в немецких донесениях, так и не материализовались, однако из-за этого донесения, когда в 10:30 командир 3-й батареи 276-го армейского зенитного дивизиона (четыре 88 мм орудия) докладывал в штаб 258-й пехотной дивизии, их в срочном порядке направили на помощь 458-му полку, потому что это была единственная «танковая» угроза, о которой знали немцы. Только на следующий день они осознали и исправили свою ошибку [61]¹.

К 15:30 наступающий 458-й полк доложил, что его 1-й батальон достиг берега реки южнее Таширово, а 3-й батальон маршем прошел Турейку. В Таширово могли быть советские войска, однако упоминаний в советских документах о них нет [61]². Один взвод с двумя 45 мм пушками из 3-й батареи 600-го истребительно-противотанкового полка занял позиции для обороны моста через Нару.

Деревня Таширово представляла собой вытянутую цепь домов и огородов длиной около 2 км на южном берегу Нары, 143 двора до войны. На северной стороне реки располагалась МТС и школа. В этой деревне был мост через Нару, от которого шла «улучшенная» гравием дорога длиной в несколько километров до автодороги Наро-Фоминск — Кубинка.

458-й пехотный полк не остановился на берегу реки. К 17:00 часам 33-я Армия получила донесение о том, что «до роты противника, обтекая город с севера, заняла ТАШИРОВО» [42]. В 21:40 258-я пехотная дивизия получила донесение о том, что «1-й батальон с другими частями переправился через Нару в Таширово и прикрывает северо-запад, 3-й батальон сооружает плацдарм у Турейки» [61]³. Два противотанковых орудийных расчета пропали без вести вместе с орудиями, возможно, их захватила с тыла немецкая пехота, которая переправилась через реку выше по течению от деревни. Мост теперь был в руках немцев, а у Турейки переправлялся через реку 3-й батальон, предположительно на плотках, резиновых лодках или вброд. Турейка расположена на изгибе Нары, где река поворачивает на юг к Наро-Фоминску, который находится всего в 2 км вниз по течению. Восточный берег реки покрыт густым лесом, и у Турейки не было переправы, однако на восточном берегу находился пионерский лагерь и дачный поселок. И всего в нескольких сотнях метров от реки в этом месте проходит дорога от Кубинки до Наро-Фоминска. У немцев не было планов поворачивать здесь на северо-восток и идти маршем на Кубинку. Они планировали повернуть 458-й пехотный полк на юго-восток, ударить по Наро-Фоминску с севера, пока другие полки 258-й дивизии будут атаковать город с запада и юга. Однако поскольку дорога Кубинка — Наро-Фоминск представляла собой стык между 5-й Армией, оборонявшей Дорохово на Минском шоссе, и 33-й Армией,

¹ Запись от 09:30 часов 21 октября 1941 г.

² Запись от 15:30 часов 21 октября 1941 г.

³ Запись от 21:40 часов 21 октября 1941 г.

оборонявшей Наро-Фоминск, из-за чего возникала потенциальная угроза флангу 5-й Армии, генерал Г. К. Жуков, командующий Западным фронтом, достаточно быстро обратил внимание на эту угрозу [24, л. 113 (112)-114 (113)]¹.

Тем временем немецкий 478-й пехотный полк медленно продвигался на север. К середине дня в 14:30 он доложил о некоторых успехах: его 3-й батальон заявил об «около 200 убитых русских». Кто были эти бойцы, установить трудно, т. к. 175-я мотострелковая бригада, оборонявшая Наро-Фоминск с юга, сообщила в этот день только о пяти раненых. Возможно, это были остатки 1287-го и/или 1289-го полков 110-й стрелковой дивизии, отступавшие с боями. 2-й батальон сообщил о том, что он подвергся удару с воздуха и сбил один советский самолет. К концу дня в 17:20 478-й пехотный полк доложил, что он находится примерно в 2 км южнее Наро-Фоминска и установил связь с 479-м полком на своем правом фланге [61]².

479-й полк подполковника Ассмана также докладывал об успехах. Уже в 12:30 он сообщил, что переправился через реку Нару в районе Атепцево и соорудил плацдарм. Также пожаловался, что 8-я моторизованная пехотная дивизия, его сосед с юга, с трудом переправляется через реку Истью. Ранее их просили подойти к западному берегу Нары напротив Слизнево, но они ответили, что нехватка горючего и плохое состояние дорог не дает им возможности двигаться вообще. Тогда их попросили в пешем порядке выдвинуться к Наре, чтобы прикрыть правый фланг 258-й дивизии. Несмотря на отсутствие поддержки со стороны моторизованной пехоты, полк Ассмана продолжил расширять свой плацдарм. После жесткого боя 1-й батальон 479-го полка доложил о взятии Горчухино, менее 3 км южнее Наро-Фоминска, на восточном берегу реки Нары [61]³.

Новый командир 258-й пехотной дивизии, генерал-майор Карл Пфлаум прибыл в штаб дивизии в Митяево в 16:00. Пфлаум получил повышение до генерал-майора 1 октября 1941 г., а 9 октября был назначен командиром 258-й пехотной дивизии, но ему потребовалось долгое время, чтобы прибыть и сменить полковника фон Арнима. По прибытии он обнаружил, что его штаб запланировал наступление на следующий день. 458-й полк, прикрывая север и северо-запад, ударит по Наро-Фоминску с севера, 478-й полк со 2-м батальоном 479-го полка будет атаковать город с юго-запада и юга, к западу от реки, а 479-й полк — с юга, по обеим сторонам реки Нары. В 22:00 пришло предложение от подполковника Ассмана отправить один из его батальонов для широкой разведки через лес к востоку от Нары до автодороги и железной дороги к северо-востоку от города в районе Александровки. Это отрезет город

¹ На приказе № 6366 нет отметки о времени вручения, вероятно, это было раннее утро 22 октября 1941 г. Мы обсудим этот приказ позже, т. к. он оказал большое влияние на ход битвы.

² Запись от 17:20 часов 21 октября 1941 г.

³ Запись от 18:40 часов 21 октября 1941 г.

от пути подкрепления и позволит атаковать его с тыла. Предложение было принято. Было решено, что дивизия начнет наступление следующим утром в 09:00 часов, на 08:45 утра запросили авиаудар по южным подступам к городу, а также по укрепленному военному городку в районе высоты 201.8 к западу от города. Несмотря на единичные сообщения об ожесточенном сопротивлении, разведка докладывала о звуках взрывов в городе и о наблюдаемых столбах дыма от горящих нефтяных цистерн. Всё выглядело так, что захватить город будет нетрудно. Задачей дивизии было занять город и подготовиться для дальнейшего наступления на северо-восток [61]¹.

Однако, как заметил фон Мольтке, ни один из планов не выдерживает вмешательства противника. Генерал-лейтенант М. Г. Ефремов получил подкрепление в лице решительных воинов, проложивших себе путь из окружения, а также существенное пополнение личного состава. 1-я Гвардейская мотострелковая дивизия в течение дня выдвигалась на позиции, при этом ее до сих пор не обнаружили немцы. Западному фронту было известно только, что один полк гвардейцев прибыл в Наро-Фоминск и занял оборону на южных и западных подступах к городу. О местонахождении остальной части дивизии сведений не было. Однако это означало, что дивизия была в движении, в эшелонах или автомашинах [24, л. 107 (106)].

На самом деле на позициях уже был не только 175-й полк подполковника П. В. Новикова с танковым взводом, который доложил о взятии в плен двух человек из 487-го (правильно — из 478-го) немецкого полка и о пяти своих раненых при артобстреле города. Около полудня некоторые подразделения мотострелковой дивизии еще выгружались из эшелонов в Апрелевке и Алабино, однако многие важные части уже были на месте. Первый батальон 12-го танкового полка (часть 5-й танковой бригады дивизии) занял оборону у Ново-Фёдоровки (на северо-восточных подступах к Наро-Фоминску) с 15 танками Т-34. К полудню дивизия сообщила о том, что разгрузка из эшелонов произведена полностью и предписанные позиции будут заняты до наступления темноты. Танковой бригаде было приказано сконцентрироваться в лесу северо-восточнее Ново-Фёдоровки, где можно было укрыться от потенциальной авиаразведки немцев [39].

Дивизия развернулась в следующем порядке: 2-й и 3-й батальоны 6-го мотострелкового полка на линии от барakov (возможно, это были бараки рабочих, строивших шоссе Москва — Киев, которое должно было пересекать Нару в нескольких километрах южнее Наро-Фоминска) в 2 км к югу от железнодорожной станции Нара до Афанасовки фронтом на юг. На момент захода солнца 1-й батальон полка всё еще ехал от Алабино. 175-й мотострелковый полк развернулся в основном на южных подступах к городу до западного берега реки, однако разведка дошла до Щекутино (5 км к югу от города), пока ее не обстреляли немецкие минометы. До прибытия 6-го полка разведка 175-го полка

¹ Записи от 21 октября 1941 г.

продвинулась по восточному берегу реки на юг к Атепцево, где попала под обстрел. Одна рота 175-го полка (2-я рота 1-го батальона) развернулась в Городище, к северу от Наро-Фоминска на восточном берегу реки [36, л. 37].

Армия не испытывала недостатка в артиллерии, которая стояла в основном на восточных окраинах Наро-Фоминска. 1-й дивизион 13-го артиллерийского полка 1-й Гвардейской мотострелковой дивизии занял район обороны в Городище на северных подступах к Наро-Фоминску, а 2-й — в лесу 1 км южнее Ново-Фёдоровки. 486-й гаубичный артиллерийский полк со 152 мм гаубицами развернул свой 1-й дивизион в районе Ивановки, 2-й — в лесу 1 км к юго-востоку от Александровки, а 3-й — в 2,2 км севернее Ново-Фёдоровки. Кроме того, одна батарея Гвардейского минометного дивизиона 5-й танковой бригады заняла огневые позиции 1 км восточнее Ново-Фёдоровки, а другая батарея была в дороге, направляясь к ним на помощь [35].

300-й зенитный дивизион развернулся для прикрытия Ново-Фёдоровки, зенитный дивизион танковой бригады расположил половину своих орудий для прикрытия тылов бригады, а остальные — в районе Ново-Фёдоровки. Разведывательный батальон дивизии находился рядом с танками, на восточных подступах к Ново-Фёдоровке, а саперный батальон дивизии — в Шаламово (Шеломово) 5 км к северо-востоку от Ново-Фёдоровки. Тыловые подразделения дивизии были оставлены в районе станции Апрелевки, а полковник А. И. Лизюков и штаб его дивизии находились в Ново-Фёдоровке, рядом со штабом 33-й Армии генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова. Была установлена проводная связь со всеми частями дивизии [35; 44, л. 80].

Хотя в советских источниках записей от 21 октября не обнаружено, вероятно, в течение этого дня еще два Гвардейских минометных дивизиона прибыли в распоряжение 33-й Армии, поскольку следующим утром они упоминаются среди участников боевых действий [23].

М. Г. Ефремов отдал приказ А. И. Лизюкову о наступлении следующим утром: 175-му мотострелковому полку перейти в наступление в направлении на юг по западному берегу Нары до линии Алексеевка — Разъезд 75-й километр — Котово. Это было не так уж и амбициозно: Алексеевка находится всего в 2,3 км от Наро-Фоминска, а Разъезд 75-й километр и Котово расположены на железнодорожной ветке к юго-западу от города в 2 и 4 км соответственно. 6-й мотострелковый полк должен был перейти в наступление в направлении на юг по обоим берегам реки до линии Елагино — опушка леса 1 км от Горчухино. Эти две деревни расположены на противоположных берегах Нары около 4 км южнее города. Наступлению должна была предшествовать артподготовка. Кроме того, были отданы совершенно нереальные приказы отряду майора Н. А. Беззубова и 1287-му полку майора Я. Б. Присяжнюка атаковать на юг от рубежа Таширка — Туреево и занять прежнюю линию обороны в 14 км к югу от их текущих позиций [35, л. 37; 44, л. 81].

В то же самое время в штаб генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова пришел приказ, который произвел эффект разорвавшейся бомбы. Он гласил:

«Приказание Командарму 33 ЕФРЕМОВУ от 22.10.41 г. исход № 6366

Командарму 33 ЕФРЕМОВУ.

Карта 100.000

22.10.41 г.

Противник, пользуясь вашей неповоротливостью, беспечностью и непониманием важности Кубинского направления, перехватил шоссе мелкими группами.

Приказываю немедленно развернуть всю 1-ю МСД, уничтожить противника в районе ТАШИРОВО, ПЛЕСЕНСКОЕ, КУЗЬМИНКА и закрыть разрыв между 222 и 110 сд, заняв фронт ПЛЕСЕНСКОЕ, АТЕПЦЕВО.

Танковую бригаду немедленно ввести в дело для уничтожения противника и очистки шоссе.

Предупреждаю, если будете сидеть, сложа руки, противник немедленно займет район КУБИНКА и поставит в катастрофическое положение 5 армию.

Получение подтвердить. Исполнение донести. КП иметь — НОВО-ФЕДОРОВКА.

ЖУКОВ, БУЛГАНИН» [25, л. 113 (112)-114 (113)].

Приказ Г. К. Жукова разбил вдребезги все планы, составленные шестью часами ранее. Всего четыре дня назад штаб 33-й Армии был приведен в порядок после удара противника при отсутствии связи с большинством своих частей, а 1-я Гвардейская мотострелковая дивизия всё еще прибывала и только что получила приказ о наступлении. В сущности, когда М. Г. Ефремов поднялся из своего окопа с примкнутым штыком, приготовившись кричать: «Ура!», генерал Жуков твердо поставил свою ногу на край его шинели. Оставалось четыре или пять часов до начала наспех спланированного наступления.

Было бы неверно подвергать командующего Западным фронтом строгой критике за этот приказ. Он имел крайне ограниченные данные о положении войск, но с его точки зрения было ясно, что 33-я Армия разбита. На ее правом фланге располагались 151-я мотострелковая бригада (несколько сотен стрелков и кавалеристов с горсткой танков) и 222-я стрелковая дивизия (в составе всего одного полка при практически полном отсутствии артиллерии), которые были отрезаны от армии немцами по своему южному флангу, и путь на Кубинку был открыт. На левом фланге армии, несмотря на донесения об удержании линии обороны по рубежу берег реки Нары, фактически это не соответствовало действительности. Однако для Г. К. Жукова это было менее важно. Хотя по рубежу берег реки Нары между Наро-Фоминском и автодорогой Рославль — Подольск оборона отсутствовала, это не представляло реальной угрозы. Если бы немцы переправились через реку, перед ними был бы в основном лес, без каких-либо важных дорог. Г. К. Жукова мало беспокоило в тот момент, что немцы выберут этот путь. С другой стороны, хорошая дорога Кубинка — Наро-Фоминск шла к Минскому шоссе сразу за последней хорошей линией обороны. Если бы немцы продвинулись в этом направлении, то 5-я Армия была бы охвачена с фланга

и отрезана, лучшая оборонительная позиция на шоссе потеряна, а прямая дорога на Москву открыта. Это было гораздо важнее для Г. К. Жукова, чем наступление в направлении Боровска.

В то же время, к востоку от Турейки были только отряды немцев, разведывающие дорогу на Кубинку, и не было танков, у немцев не было особого интереса к этой дороге. Их устремления лежали в противоположном направлении — на Наро-Фоминск. М. Г. Ефремов, тем не менее, столкнулся с серьезной дилеммой. Он, очевидно, осознавал, что угроза в районе Таширово — Турейка была не очень серьезной и что основные силы немцев направлены к югу от Наро-Фоминска и теперь уже по обеим сторонам Нары. Поэтому он решил прикрыть свой правый фланг остатками 110-й стрелковой дивизии — 1287-м полком майора Я. Б. Присяжнюка и отрядом майора Н. А. Беззубова. Два танка БТ были отправлены на их усиление. Г. К. Жуков потребовал, чтобы танковая бригада армии очистила автодорогу Кубинка — Наро-Фоминск от немцев. Вместо бригады было отправлено два легких танка. 175-й мотострелковый полк подполковника П. В. Новикова будет атаковать на запад, юго-запад и юг при поддержке одного батальона 6-го мотострелкового полка подполковника П. Г. Петрова. Остальная часть полка П. Г. Петрова будет продвигаться на юг, к востоку от Нары. Хотя три танка Т-34 были приданы силам П. В. Новикова, остальная часть танковой бригады останется в резерве. Это будет мощная сила для оперативного развертывания при любой угрозе, которая может возникнуть в районе дороги на Кубинку к северу от города или при осложнении обстановки на юге или на западе. Таким образом, М. Г. Ефремов не будет использовать свои танки «для погони за призраками» (несмотря на приказы), а также избежит обвинения в неподчинении приказу командующего, поскольку танки будут заняты выполнением другой задачи. Это была перестраховка; пойдя на нее, М. Г. Ефремов и А. И. Лизюков упустили потрясающую возможность разгромить часть 258-й пехотной дивизии Пфлаума. Это решение также лишило атакующие силы А. И. Лизюкова поддержки со стороны сильнейшего подразделения 33-й Армии, что приведет к почти катастрофическому положению для 33-й Армии и 1-й Гвардейской мотострелковой дивизии.

Продолжение следует.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Великая Отечественная / под общ. ред. В. А. Золотарева. М.: ТЕРРА, 1997. (Русский архив / Ин-т воен. истории М-ва обороны РФ, Рос. гос. воен. арх.) Том 2 (2): Приказы Народного комиссара обороны СССР, 22 июня 1941 г. — 1942 г. / сост. А. И. Барсуков и др. 445 с.
2. Великая Отечественная / под общ. ред. В. А. Золотарева. М.: ТЕРРА, 1997. (Русский архив / Ин-т воен. истории М-ва обороны РФ, Рос. гос. воен. арх.) Том 15 (4/1): Битва под Москвой / сост. В. Т. Елисеев и др. 461 с.
3. Великая Отечественная / под общ. ред. В. А. Золотарева. М.: ТЕРРА, 1999. (Русский архив / Ин-т воен. истории М-ва обороны РФ, Рос. гос. воен. арх.) Том 12 (1):

- Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: документы и материалы, 1941 год / авт.-сост. А. Д. Ефремов и др. 325 с.
4. Виноградов Ю. В. По призыву Родины: [Боевой путь 84-й гвард. Карачев. стрелковой дивизии] / Ю. В. Виноградов, С. М. Широков. М.: ИРМА, 1995. 409 с.
 5. Г. К. Жуков в битве под Москвой. Сборник документов / под общ. ред. В. А. Золотарева. М.: Мосгосархив, 1994. 214 с.
 6. Грылев А. Н. Перечень № 5: о введении в действие положения о порядке отнесения объединения, соединений, частей, кораблей, учреждений и заведений советских вооруженных сил к составу действующей армии в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Приложение № 4 к директиве Генерального штаба. М., 1970.
 7. Дриг Е. Ф. Механизированные корпуса РККА в бою: история автобронетанковых войск Красной Армии в 1940-1941 гг. / Е. Ф. Дриг. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. 830 с.
 8. Колесник А. Д. Народное ополчение городов-героев / А. Д. Колесник. М.: Наука, 1974. 367 с.
 9. Краснов В. Г. Неизвестный Жуков: Лавры и тернии полководца: Документы. Мнения. Размышления / В. Г. Краснов. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. 573 с.
 10. Мельников В. М. Их послал на смерть Жуков? Гибель армии генерала Ефремова / В. М. Мельников. М.: Эксмо: Яуза, 2009. 733 с.
 11. Мельников В. М. Наро-Фоминский прорыв: забытые страницы битвы за Москву / В. М. Мельников. М.: Патриот, 2012. 418 с.
 12. Москва — фронту. 1941-1945: сборник документов и материалов / редколл.: С. М. Кляцкин (отв. ред.) и др. М.: Наука, 1966. 411 с.
 13. Муриев Д. З. Провал операции «Тайфун» / Д. З. Муриев. М.: Воениздат, 1966. 272 с.
 14. Невзоров Б. Оборонительные бои 1 Гв. мед под Москвой / Б. Невзоров // Военно-исторический журнал. 1976. № 10. С. 36-40.
 15. Ополчение на защите Москвы: документы и материалы о формировании и боевых действиях Московского народного ополчения в июле 1941 — январе 1942 г. / сост. Л. С. Беляева и др.; под ред. А. М. Пегова. М.: Моск. рабочий, 1978. 408 с.
 16. Российский государственный военный архив. Ф. 517. О. 1. Д. 47019. (Документ о военнопленных)
 17. Скрытая правда войны: 1941 год: Неизвестные документы: сборник / сост. П. Н. Кнышевский и др. М.: Русская книга, 1992. 380 с.
 18. Центральный архив Министерства обороны РФ (далее — ЦАМО). Ф. 33. О. 11458. Д. 653. (Донесение о безвозвратных потерях от 13.03.1942).
 19. ЦАМО. Ф. 33. О. 11459. Д. 14. (Донесение о безвозвратных потерях от 13.03.1942).
 20. ЦАМО. Ф. 33. О. 682524. Д. 5. (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 02.01.1942).
 21. ЦАМО. Ф. 33. О. 682524. Д. 225. (Приказ Военного Совета Западного фронта № 266 от 03.11.1941).
 22. ЦАМО. Ф. 33. О. 682524. Д. 268. (Приказ Военного Совета Западного фронта № 103 от 29.01.1942).
 23. ЦАМО. Ф. 208. О. 2511. Д. 166. (Оперативная сводка Штаба артиллерии Западного Фронта № 74 от 23.10.1941).
 24. ЦАМО. Ф. 208. О. 2511. Д. 216. (Журнал боевых действий войск Западного фронта за октябрь 1941 г.).

25. ЦАМО. Ф. 219. О. 679. Д. 28 (Сведения о численном составе 110 сд от 20.09.1941).
26. ЦАМО. Ф. 388. О. 8712. Дело 6. Документ 4. (Боевое донесение штаба 113 сд от 11.00 часов 21.10.1941).
27. ЦАМО. Ф. 388. О. 8712. Дело 19. Документ 25. (Донесение о численном и боевом составе штаба 33 Армии от 21.10.1941).
28. ЦАМО. Ф. 388. О. 8712. Дело 19. Документ 30. (Сведения о численном составе 113 сд от 24.10.1941).
29. ЦАМО. Ф. 388. О. 8712. Дело 19. Документ 37. (Краткие сведения о боевом составе 110 сд от 31.10.1941).
30. ЦАМО. Ф. 388. О. 8712. Д. 21. (Журнал боевых действий 33 А 17.10.1941 — 1.11.1941).
31. ЦАМО. Ф. 388. О. 8769. Д. 44. (Отдел кадров 33 А. Списки комначсостава частей и учреждений армии).
32. ЦАМО. Ф. 398. О. 9308. Д. 21. (Оперативная сводка № 1 штаба 113 сд 16.10.1941 на 17-00).
33. ЦАМО. Ф. 398. О. 9398. Д. 24. (Журнал боевых действий 43 А. 1.08.1941 — 2.01.1942).
34. ЦАМО. Ф. 460. О. 5047. Дело 21. Документ 4 (Оперативная сводка Штаба 5 А к 07.00 14.10.1941).
35. ЦАМО, Ф. 1044. О. 1. Дело 4. Документ 1. (Оперативная сводка штаба 1 Гв. мсд от 12.00 часов 21.10.1941).
36. ЦАМО. Ф. 1044. О. 1. Д. 8. (Журнал боевых действий 1 Гв. мсд с 22.6.41 г. по 19.1.42 г.).
37. ЦАМО. Ф. 1238. О. 1. Дело 10. Документ 26. (Боевое донесение штаба 110 сд от 23.30 часов 24.10.1941).
38. ЦАМО. Ф. 1238. О. 1. Дело 11. Документ 5. (Боевой приказ штаба 33 А от 20.10.1941).
39. ЦАМО. Ф. 1238. О. 1. Дело 11. Документ 6. (Оперативная сводка штаба артиллерии 33 А от 21 октября 1941).
40. ЦАМО. Ф. 1238. О. 1. Дело 11. Документ 68. (Оперативная сводка штаба артиллерии 33 А от 27 октября 1941).
41. ЦАМО. Ф. 1238. О. 1. Дело 11. Документ 123. (Оперативная сводка штаба 33 А от 20 октября 1941).
42. ЦАМО. Ф. 1238. О. 1. Дело 11. Документ 125. (Оперативная сводка штаба 33 А от 22.00 часов 21 октября 1941).
43. ЦАМО. Ф. 1238. О. 1. Д. 14. (Журнал боевых действий 4-й Куйбышевской дивизии ополченцев).
44. ЦАМО. Ф. 3101. О. 1. Д. 1. (Журнал боевых действий 16 тп, 12 тп, 5 тбр с 30.7.1941 по 1.1.1942).
45. ЦАМО. Ф. 6720. О. 0021187с. Д. 0001. (Боевой приказ штаба 1289 сп от 22.10.1941).
46. Bellamy Ch. *Absolute War* / Ch. Bellamy. New York: Alfred A. Knopf, 2007. 814 pp.
47. Boog H. *Germany and the Second World War. Volume IV/1: The Attack on the Soviet Union* / H. Boog, J. Förster, J. Hoffman et al. Oxford: Oxford University Press, 2015. 1396 pp.
48. Clark A. *Barbarossa, The Russian-German Conflict 1941-1945* / A. Clark. New York: Signet Books, 1965. 522 pp.
49. Dieckhoff G. *3. Infanterie-Division, 3. Infanterie-Division (mot.), 3. Panzergrenadier-Division* / G. Dieckhoff. Göttingen: Cuxhaven, 1960. 428 S.

50. Glantz D. *Barbarossa Derailed: The Battle for Smolensk, 10 July — 10 September 1941* / D. M. Glantz. Solihull, UK: Helion & Co, 2012. Vol. 2. 620 pp.
51. Glantz D. M. *When titans clashed: How the Red Army Stopped Hitler* / D. M. Glantz, J. M. House. Lawrence: University Press of Kansas, 2015. 557 pp.
52. Krivosheev G. F. *Soviet Casualties and Combat Losses in the Twentieth Century* / G. F. Krivosheev et al.; ed. by G. F. Krivosheev. London: Greenhill Books, 1997. 290 pp.
53. Lopukhovskiy L. *The Viaz'ma Catastrophe, 1941* / L. Lopukhovskiy. Solihull, UK: Helion & Co, 2013. 576 pp.
54. Müller-Hillebrant B. *Das Heer 1933-1945: Volume III: Der Zweifrontenkrieg* / B. Müller-Hillebrant. Frankfurt am Main: E. S. Mittler & Sohn, 1969. 325 S.
55. NARA microfilm roll T312. Roll 143 starting frame 1681609. (A.O.K. 4, Ia, Kriegstagebuch Nr. 9).
56. NARA microfilm T314. Roll 1073 starting frame 00565. (XXXXVI AK. Ia Kriegstagebuch Nr. 3).
57. NARA microfilm T314. Roll 1470 starting frame 001. (LVII AK, Ia, Kriegstagebuch Nr. 1).
58. NARA microfilm T315. Roll 323 frames from 235 to 371 Document No. 25448/3 (6 Pz Div, Ia, Kriegstagebuch).
59. NARA microfilm T315. Roll 372 starting frame 000001. (Ia, Kriegstagebuch Nr. 4, 10 Apr 41 — 7 Jan 1942 7 Inf Div 21813/1 dated 10 Apr 41 — 7 Jan 1942).
60. NARA microfilm T315. Roll 741 starting frame 000201. (Ia, Kriegstagebuch, Band 1, 15 Aug 1941 — 20 Oct 1941 20th Panzer Div 19350/1 dated 15 Aug — 20 Oct 41).
61. NARA microfilm T315. Roll 1814 starting frame 000001. (Ia, Kriegstagebuch Nr. 6 258 Inf Div 18012/5 dated 21 Jul 41 - 25 Jan 42).
62. Pflanz H.-J. *Geschichte der 258. Infanterie Division, II. Teil, Der Feldzug gegen die Sowjet-Union 1941 und 1942 Strum auf Moskau, Auffangen der russischen Gegenangriffs* / H.-J. Pflanz, V. von Rieben, G. Gudelius et al. Neckargemund: Kurt Vowinckel Verlag, 1978. 291 S.
63. Radey J. *The Defense of Moscow 1941 — The Northern Flank* / J. Radey, Ch. Sharp. Barnsley, UK: Pen & Sword Ltd., 2012. 320 pp.
64. Radey J. *Was it the Mud?* / J. Radey, Ch. Sharp // *The Journal of Slavic Military Studies*. 2015. Vol. 28. No. 4. Pp. 646-658.
65. Reinhardt K. *Die Wende vor Moskau. Das Scheitern der Strategie Hitlers im Winter 1941/42* / K. Reinhardt. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1972. 355 pp.
66. Soviet General Staff. *The Battle of Moscow 1941-42* / translated edition by R. W. Harrison. Solihull, UK: Helion & Co, 2015. 476 pp.
67. Stahel D. *Operation Barbarossa and Germany's Defeat in the East* / D. Stahel. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2009. 483 pp.
68. Stahel D. *Operation Typhoon* / D. Stahel. New York and Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 418 pp.
69. Zetterling N. *Drive on Moscow 1941* / N. Zetterling, A. Frankson. Haverston: Casemate, 2012. 336 pp.

Jack RADEY¹
Charles SHARP²
Elena G. BRUNOVA³

UDC 935

NO FURTHER — THE BATTLE FOR NARO-FOMINSK, 20-31 OCTOBER AND 1-3 DECEMBER 1941

¹ Military Historian (Eugene, Oregon, USA)
radey.zhukov.jack@gmail.com

² Military Historian (University Place, Washington, USA)
ccsfort@earthlink.net

³ Dr. Sci. (Philol.), Professor,
Department of the English Language, Military Historian,
University of Tyumen
egbrunova@mail.ru

Abstract

This article is a part of a much bigger project. Two of the authors (Jack Radey and Charles Sharp) are writing a book on the fighting west of Moscow from about 9 October to 31 October 1941. Our purpose is to examine why the German offensive against Moscow was stopped by the end of October.

There are no studies in English that convincingly explain this. Our approach is operational and tactical analysis, based on extensive use of Soviet and German archival documents, as well as memoirs, and secondary historical books and articles in all languages. We have found that nearly all the documents are contradictory or omit important information, sometimes deliberately, sometimes because accurate data was lacking.

Our method has been to compare them critically to determine what actually happened. This is challenging work, but we are confident that our analysis explains and clarifies the data from the raw documents. Our conclusions so far point to the outcome of these battles

Citation: Radey J., Sharp Ch., Brunova E. G. 2020. "No Further — The Battle for Naro-Fominsk, 20-31 October and 1-3 December 1941". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 6, no. 4 (24), pp. 113-164.

DOI: 10.21684/2411-197X-2020-6-4-113-164

being the result of several factors, the most important being: incompetent German planning and logistics, an absence of clear and obtainable German objectives, and effective Soviet resistance.

This research was done to clarify our understanding of the fighting around Naro-Fominsk and because the Naro-Fominsk fighting reflects these factors in microcosm.

Keywords

National Russian history, Great Patriotic War, Battle for Moscow, fighting around Naro-Fominsk, 33rd Army, 110th Rifle Division, 113th Rifle Division, 222nd Rifle Division, 258th Infantry Division.

DOI: 10.21684/2411-197X-2020-6-4-113-164

REFERENCES

1. Velikaya Otechestvennaya: Prikazy narodnogo komissara oborony SSSR 22 iyunya 1941 g. — 1942 g. [Great Patriotic (War): Orders of the People's Commissar for Defense of the USSR 22 June 1941 — 1942]. Ed. by V. A. Zolotarev. Moscow: TERRA, 1997. 445 pp. [In Russian]
2. Velikaya Otechestvennaya: Bitva pod Moskvoy [Great Patriotic (War): The Battle for Moscow]. Ed. by V. A. Zolotarev. Moscow: TERRA, 1997. 461 pp. [In Russian]
3. Velikaya Otechestvennaya: General'nyi Shtab v gody velikoi Otechestvennoi Voiny. Dokumenty i Materialy. 1941 god. [Great Patriotic (War): The General Staff during the Great Patriotic War. Documents and Materials. 1941]. Ed. by V. A. Zolotarev. Moscow: TERRA, 1999. 325 pp. [In Russian]
4. Vinogradov Yu. V., Shirovko S. M. Po prizyvu Rodiny [The Call of the Motherland]. Moscow: Irma, 1995. 409 pp. [In Russian]
5. G. K. Zhukov v bitve pod Moskvoy [G. K. Zhukov in the Battle for Moscow]. Ed. by V. A. Zolotarev. Moscow: Mosgorarkhiv, 1994. 214 pp. [In Russian]
6. Grylev A. N. Perechen' No. 5: o vvedenii v deistvie polozheniya o poryadke otneseniya ob'edineniya, soedinenii, chastei, korablei, uchrezhdenii i zavedenii sovetskikh vooruzhennykh sil k sostavu deistvuyushchei armii v gody velikoi otchestvennoi voiny 1941-1945 gg. [List No. 5: Divisional Units, Formations on All Fronts in the Active Army during the Great Patriotic War 1941-1945]. Moscow, 1970. [In Russian]
7. Drig E. Mekhanizirovannye korpusa RKKA v boyu [Mechanized Corps of the RKKA in Battle]. Moscow: Tranzitkniga, 2005. 830 pp. [In Russian]
8. Kolesnik A. D. Narodnoe Opolchenie Gorodov-Geroev [People's Militia of the Hero Cities], Moscow: Nauka, 1974. 367 pp. [In Russian]
9. Krasnov V. G. Neizvestnyi Zhukov. Lavry i Ternii Polkovodtsa [The Unknown Zhukov: Laurels and Thorns of a Commander]. Moscow: OLMA-PRESS, 2000. 573 pp. [In Russian]
10. Mel'nikov V. M. Ikh poslal na smert' Zhukov? Gibel' armii generala Yefremova [Sent to Their Deaths by Zhukov? The Death of the Army of General Yefremov]. Moscow: Eksmo Yauza, 2009. 733 pp.

11. Mel'nikov, V. M. Naro-Fominskii Proryv — Zabytye stranitsy bitvy za Moskvu [Naro-Fominsk Breakthrough — forgotten pages of the battle for Moscow]. Moscow: Patriot. 2012. 418 pp. [In Russian]
12. Moskva Frontu 1941-1945: Sbornik dokumentov i materialov [Moscow to Front 1941-1945: A Collection of Documents and Materials]. ed. by S. M. Klyatskin. Moscow: Nauka, 1966. 411 pp. [In Russian]
13. Muriev D. Z. Proval Operatsii "Taifun" [Defeat of Operation 'Typhoon']. Moscow: Voenizdat, 1966. 272 pp. [In Russian]
14. Nevzorov B. Oboronitel'nye boi 1 Gv. msd pod Moskvoy [Defensive Battles of the 1st Guards Motorized Rifle Division at Moscow]. Voenno-Istoricheskii Zhurnal. 1976. No. 10, pp. 36-40. [In Russian]
15. Opolchenie na zashchite Moskvu. Dokumenty i materialy [People's Militia in the Defense of Moscow. Documents and Materials]. Ed. by A. M. Pegov. Moscow: Moskovskii rabochii. 1978. 408 pp. [In Russian]
16. Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv [Russian State Military Archives]. F. 517. O. 1. D. 47019. (Dokument o voennoplennykh — Document on War Prisoners)
17. Skrytaya Pravda Voiny: 1941 goda. Neizvestnye dokumenty [The Hidden Truth of the War: 1941. Unknown Documents]. Ed. by P. N. Knyshevsky et al. Moscow: Russkaya Kniga, 1992. 380 pp. [In Russian]
18. Central'nyj arhiv ministerstva oborony RF [Central Archives of the Russian Defense Ministry. Hereinafter — TsAMO]. F. 33. O. 11458. D. 653. (Donesenie o bezvozvratnykh poteryah — Report of Permanent Losses dated 13.03.1942) [In Russian]
19. TsAMO. F. 33, O. 11459, D. 14. (Donesenie o bezvozvratnykh poteryah — Report of Permanent Losses dated 13.03.1942) [In Russian]
20. TsAMO. F. 33. O. 682524. D. 5. (Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 02.01.1942 — Decree of the Presidium of the Supreme Soviet dated 02.01.1942) [In Russian]
21. TsAMO. F. 33. O. 682524. D. 225. (Prikaz Voennogo Soveta Zapadnogo fronta ot 03.11.1941 — Order of the Military Council of the Western Front No. 266 dated 03.11.1941) [In Russian]
22. TsAMO. F. 33. O. 682524. D. 268. (Prikaz Voennogo Soveta Zapadnogo fronta ot 29.01.1942 — Order of Military Council of Western Front No. 103 dated 29.01.1942) [In Russian]
23. TsAMO. F. 208. O. 2511. D. 166. (Operativnaya svodka 74 ot 23.10.1941, Shtab artillerii Zapadnogo Fronta — Operational Summary No. 74 of 23 October 1941 by Staff of Artillery of Western Front). [In Russian]
24. TsAMO. F. 208. O. 2511. D. 216. (Zhurnal boevykh deistvii voisk fronta za 10.1941 — Journal of Military Activities of the Forces of the Front during October 1941) [In Russian]
25. TsAMO. F. 219. O. 679. D. 28 (Svedeniya o chislennom sostave 110 sd — Strength report for 110th Rifle Division dated 20.09.1941) [In Russian]
26. TsAMO. F. 388. O. 8712. Delo 6. Dokument 4. (Boevoe donesenie shtaba 113 sd — Combat Report from HQ of 113th Rifle Division) dated 1100 hours 21.10.1941) [In Russian]
27. TsAMO. F. 388. O. 8712. Delo 19. Dokument 25 (Donesenie o chislennom i boevom sostave shtaba 33 A ot 21.10.1941 — Report on the Personnel and Combat Strength from HQ of 33rd Army, dated 21.10.1941) [In Russian]

28. TsAMO. F. 388. O. 8712. Delo 19. Dokument 30. (Svedeniya o chislennom i boevom sostave 113 sd ot 24.10.1941 — Information on the Personnel and Combat Composition of the 113th Rifle Division dated 24.10.1941) [In Russian]
29. TsAMO. F. 338. O. 8712. Delo 19. Dokument 37. (Kratkie svedeniya o boevom sostave 110 sd ot 31.10.1941 — Brief Information on the Combat Composition of the 110th Rifle Division dated 31.10.1941) [In Russian]
30. TsAMO. F. 388. O. 8712. D. 21. (Zhurnal boevykh deistvii 33 Armii — Journal of Combat Activities of the 33rd Army 17.10.1941 — 1.11.1941) [In Russian]
31. TsAMO. F. 388. O. 8769. D. 44. (Otdel kadrov 33 A. Spiski komnachsostava chastej i uchrezhdenij armii — Personnel Department of the 33rd Army. Lists of commanders of army units and departments) [In Russian]
32. TsAMO. F. 398. O. 9308. D. 21. (Operativnaya svodka shtaba 113 sd 16.10.1941 na 17-00 - Operational Summary from HQ of 113th Rifle Division dated 16.10.1941 17-00 hrs) [In Russian]
33. TsAMO. F. 398. O. 9398. D. 24. (Zhurnal boevykh deistvij 43 A — Journal of Combat Activities of the 43rd Army 1.08.1941– 2.01.1942) [In Russian]
34. TsAMO. F. 460. O. 5047. Delo 21. Dokument 4 (Operativnaya svodka Shtaba 5 Armii k 7.00 14.10.1941 — Operational Summary from HQ of 5th Army dated 0700 hrs 14.10.1941) [In Russian]
35. TsAMO. F. 1044. O. 1. Delo 4. Dokument 1. (Operativnaya svodka shtaba 1 Gv. MSD ot 12.00 21.10.1941 — Operational Summary from the HQ of the 1st Guards Motorized Rifle Division dated 1200 hrs 21.10.1941) [In Russian]
36. TsAMO. F. 1044. O. 1. D. 8. (Zhurnal boevykh deistvii 1 Gv. msd s 22.6.41 g. po 19.1.42 g — Journal of Combat Activities of the 1st Guards Motorized Rifle Division from 22.06.1941 to 19.01.1942) [In Russian]
37. TsAMO. F. 1238. O. 1. Delo 10. Dokument 26. (Boevoe donesenie shtaba 110 sd ot 23.30 24.10.1941 - Combat Report from the HQ of the 110th Rifle Division dated 2330 hrs 24.10.1941) [In Russian]
38. TsAMO. F. 1238. O. 1. Delo 11. Dokument 5. (Boevoi prikaz shtaba 33 A ot 20.10.1941 — Combat Order from the HQ of 33rd Army dated 20.10.1941) [In Russian]
39. TsAMO. F. 1238. O. 1. Delo 11. Dokument 6. (Operativnaya svodka shtaba artillerii 33 A ot 21.10.1941 — Operational Summary from the HQ of the 33rd Army Artillery, dated 21.10.1941) [In Russian]
40. TsAMO. F. 1238. O. 1. Delo 11. Dokument 68. (Operativnaya svodka shtaba artillerii 33 A ot 27.10.1941 - Operational Summary from the HQ of the Artillery of 33rd Army dated 27.10.1941) [In Russian]
41. TsAMO. F. 1238. O. 1. Delo 11. Dokument 123. (Operativnaya svodka shtaba 33 A ot 20.10.1941 — Operational Summary from the HQ of 33rd Army dated 20.10.1941) [In Russian]
42. TsAMO. F. 1238. O. 1. Delo 11. Dokument 125. (Operativnaya svodka shtaba 33 A ot 22.00 21.10.1941 — Operational Summary from the HQ of 33rd Army dated 2200 hours 21.10. 1941) [In Russian]
43. TsAMO. F. 1238. O. 1. D. 14. (Zhurnal boevykh deistvii 4 Kujbyshevskoj divizii opolchencev — Journal of Combat Activities of the 4th Division of People's Militia of the Kujbyshev District (of Moscow)) [In Russian]

44. TsAMO. F. 3101. O. 1. D. 1. (Zhurnal boevykh deistvii 16 tp, 12 tp, 5 tbr s 30.7.1941 po 1.1.1942 — Journal of Combat Activities of the 16th Tank Regiment, 12th Tank Regiment, 5th Tank Brigade from 30.7.1941 to 1.1.1942) [In Russian]
45. TsAMO. F. 6720. O. 0021187c. D. 0001. (Boevoi prikaz shtaba 1289 sp — Combat Order of the HQ of the 1289th Rifle Regiment dated 22.10.1941) [In Russian]
46. Bellamy Ch. *Absolute War* / Ch. Bellamy. New York: Alfred A. Knopf, 2007. 814 pp.
47. Boog H. *Germany and the Second World War. Volume IV/1: The Attack on the Soviet Union* / H. Boog, J. Förster, J. Hoffman et al. Oxford: Oxford University Press, 2015. 1396 pp.
48. Clark A. *Barbarossa, The Russian-German Conflict 1941-1945* / A. Clark. New York: Signet Books 1965. 522 pp.
49. Dieckhoff G. 3. Infanterie-Division, 3. Infanterie-Division (mot.), 3. Panzergrenadier-Division / G. Dieckhoff. Göttingen: Cuxhaven, 1960. 428 S.
50. Glantz D. *Barbarossa derailed: the battle for Smolensk, 10 July — 10 September 1941* / D. M. Glantz. Solihull, UK: Helion & Co, 2012. Vol. 2. 620 pp.
51. Glantz D. *When titans clashed: How the Red Army Stopped Hitler* / D. M. Glantz, J. M. House. Lawrence: University Press of Kansas, 2015. - 557 pp.
52. Krivosheev G. F. *Soviet Casualties and Combat Losses in the Twentieth Century* / G. F. Krivosheev et al.; ed. by G. F. Krivosheev. London: Greenhill Books, 1997. 290 pp.
53. Lopukhovskiy, L. *The Viaz'ma Catastrophe, 1941* / L. Lopukhovskiy. Solihull, UK: Helion & Co, 2013. 576 pp.
54. Müller-Hillebrant B. *Das Heer 1933-1945: Volume III: Der Zweifrontenkrieg* / B. Müller-Hillebrant. Frankfurt am Main: E. S. Mittler & Sohn, 1969. 325 S
55. NARA microfilm roll T312. Roll 143 starting frame 1681609. (A.O.K. 4, Ia, Kriegstagebuch Nr. 9)
56. NARA microfilm T314. Roll 1073 starting frame 00565. (XXXXVI AK, Ia, Kriegstagebuch Nr. 3)
57. NARA microfilm T314. Roll 1470 starting frame 001. (LVII AK, Ia, Kriegstagebuch Nr. 1)
58. NARA microfilm T315. Roll 323 frames from 235 to 371 Document No 25448/3 (6 Pz Div, Ia, Kriegstagebuch)
59. NARA microfilm T315. Roll 372 starting frame 000001. (Ia, Kriegstagebuch Nr. 4, 10 Apr 41 — 7 Jan 1942 7 Inf Div 21813/1 dated 10 Apr 41 — 7 Jan 1942).
60. NARA microfilm T315. Roll 741 starting frame 000201. (Ia, Kriegstagebuch, Band 1, 15 Aug 1941 — 20 Oct 1941 20th Panzer Div 19350/1 dated 15 Aug — 20 Oct 41)
61. NARA microfilm T315. Roll 1814 starting frame 000001. (Ia, Kriegstagebuch Nr. 6 258 Inf Div 18012/5 dated 21 Jul 41 - 25 Jan 42).
62. Pflanz H.-J. *Geschichte der 258. Infanterie Division, II. Teil, Der Feldzug gegen die Sowjet-Union 1941 und 1942 Strum auf Moskau, Auffangen der russischen Gegenangriffe* / H.-J. Pflanz, V. von Rieben, G. Gudelius et al. Neckargemünd: Kurt Vowinckel Verlag, 1978. 291 S.
63. Radey J. *The Defense of Moscow 1941 — The Northern Flank* / J. Radey, Ch. Sharp. Barnsley, UK: Pen & Sword Ltd, 2012. 320 pp.
64. Radey J. *Was it the Mud?* / Jack Radey, Charles Sharp // *The Journal of Slavic Military Studies*. 2015. Vol. 28. No. 4. Pp. 646-658.

65. Reinhardt K. Die Wende vor Moskau. Das Scheitern der Strategie Hitlers im Winter 1941/42 / K. Reinhardt. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1972. 355 pp.
66. Soviet General Staff. The Battle of Moscow 1941-42. (translated edition by R. W. Harrison). Solihull, UK: Helion & Co, 2015. 476 pp.
67. Stahel D. Operation Barbarossa and Germany's Defeat in the East / D. Stahel. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2009. 483 pp.
68. Stahel D. Operation Typhoon / D. Stahel. New York and Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 418 pp.
69. Zetterling N. Drive on Moscow 1941 / N. Zetterling, A. Frankson. Haverston: Casemate, 2012. 336 pp.